

Юлия Фирсанова

рыжее братство.
Возвращение

**Когда вступаешь на избранный тобою
путь, все прочие дороги исчезают!**

Юлия А. Фирсанова
Возвращение
Серия «Рыжее братство», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=647815

*Фирсанова Ю. А. Рыжее братство. Возвращение: Издательство АЛЬФА-КНИГА; Москва; 2011
ISBN 978-5-9922-0902-0*

Аннотация

Магева Оса возвращается обратно к друзьям, чтобы с головой оку... ввяз... нет, все-таки влипнуть в череду очередных приключений. Дорога вьется, петляет, эх, самой бы не угодить в петельку. Словом, выкидывает несусветные фортели, но ведет все дальше к Проклятому озеру. Вот только что найдет, а что потеряет Ксения в пути – неведомо даже богам.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	31
Глава 5	42
Глава 6	54
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Юлия Фирсанова

Рыжее братство. Возвращение

Глава 1

Как сходят с ума

«Интересно, как сходят с ума и способен ли человек заметить, что он уже за гранью нормальности, конечно, если у этой самой нормальности можно выделить четкую грань? Вот тут ты адекватно воспринимаешь реальность, а шаг в сторону, прыжок на месте – и можешь получать справку «псих-самовзвод», а к ней билет в палату с мягкими стенами!» – размышляла я, сидя на подоконнике в комнате и вспоминая разговор с Галкой.

Сидение на подоконнике, оговорюсь сразу, к свежим аномалиям не относилось, туда я забиралась частенько, чтобы с комфортом подумать. Ну нравилось мне это местечко, и все тут!

Подруга – она на то и подруга, чтобы говорить все начистоту, даже если слушать и слышать ни черта не хочется. Вот и поговорили. О чем? Да все на тему, которая занимала меня уже три недели, – мое путешествие в другой мир. Не на тот свет, все эти коридоры и свет в конце тоннеля вкупе с «неповторимым духовным опытом» пусть другие описывают, коль испытать довелось, я про натурально другое или казавшееся мне таковым совершенно реальное измерение. Тот мир, где я провела несколько восхитительно насыщенных дней, повидала столько интересного и волшебного, да и сама творила истинную магию рун, а еще видела самых настоящих эльфов!

Да, были опасности и боль, куда же без них, меня даже пытались убить. Но какими мелкими показались все эти неприятности по сравнению с тоской по оставшимся по ту сторону реальности безумно мне дорогим людям и нелюдам. Рыжий ворюга, обаятельный Лакс, от одной кривоватой ухмылки которого сжималось сердце. Невозмутимый с виду и непробиваемый, как бронетранспортер, персональный телохранитель Кейр. Непоседливый малютка-сильф Фаль и проказливый жеребец Дэлькор. Как же я безумно по ним скучала, даже по невозможному хулигану-коню...

Путешествие, занявшее, по моим личным часам, несколько дней и уложившееся в считанные секунды по времени Земли, оборвалось внезапно, по прихоти незримых и могущественных созданий, волею которых оно, собственно, и началось. Я вернулась назад, в ту же точку пространства, спустя несколько секунд после исчезновения, лишившись практически всех материальных доказательств путешествия. Теперь у меня не было ничего, кроме памяти и приставшего к коже летнего загара.

Честно говоря, не знаю, поверила бы я Галке, если бы она выдала историю вроде приключившейся со мной, потому и не разобиделась смертельно, когда решила поведать ей обо всем и по завершении повествования услышала следующее:

– Ну ты даешь! Складно и занимательно врешь! Может, тебе в писатели податься, коль ты только из-за того, что в солярий тайком от меня смоталась, такую историю забабахала?! – оценила Галка мои старания, тряхнув светло-золотистой гривкой волос с пепельными перышками. – Правда, с рунами слишком заумно вышло, подправь! Их ведь только ты годами наизусть зубрила, широкие массы не поймут, это я тебе как представитель общественности говорю!

– Не веришь, – констатировала я, машинально куснула ноготь, но тут же, спохватившись, убрала руку. Вреднющая детская привычка никак не хотела исчезать окончательно, стоило попсиховать, и палец тут же оказывался около рта.

– Да кто ж в эти истории верит, Ксюх? – искренне удивилась Галка. – Ну может, эти ролевики, которые у нас по парку в плащах и с деревянными мечами рассекают, вопя при этом истошно: «Да здравствуют Гэндальф Серый, Арагорн и Фродо! Смерть Темному властелину Мордора!» Так мы ж с тобой всегда над ними ржали. Чем бы дите ни тешилось, лишь бы не вешалось. Книжки-сказочки хороши, чтобы мозги отдыхали, а если верить в них начнешь, и правда с катушек слететь можно! Ну пошутила – и хватит! Пошли лучше до кафешки прошвырнемся. В «Маслине», Светка рассказывала, теперь круто, или в «Кофеек» завалим, там такой штрудель подают, пальчики оближешь. Парней посимпатичнее подцепим, или ты Димке, а я Максу звякну, и вместе в киношку наладимся. С Крузом боевичок новый со среды в прокат запустили. Тебе ж еще с «Интервью» Томчик нравился! Пошли, ты чего-то в последнее время сама не своя! А-а-а! Знаю! Книжку обдумывала да на мне, как на кошечках, проверить вздумала. Только я тебе посоветую: побольше да поподробнее о любви напиши! Знаешь, классно будет, если в эту девицу не только вор, но еще эльфийский князь и телохранитель влюбятся!

– Выйдет настоящее пособие по групповому сексу, – мрачно подытожила я, зная тягу подружки к чтиву позабойнее, со вкусом клубнички, вроде творений незабвенной Лорел. Уже ни на что не рассчитывая, спросила снова:

– Значит, не веришь?

– Не-а, но выдуманно здорово! – одобрила Галка. – А если хочешь, чтобы верили, надо не за фантастику, а за детективы браться. Верное дело! Вон какими тиражами Донцова, Устинова да Полякова выходят! А ты глупее, что ли?

Спорить, доказывать, настаивать на своем только для того, чтобы убедить трезвомыслящую подруженьку, что Ксюха окончательно съехала с катушек и все глубже и безнадежнее погружается в мир иллюзий, я не стала. Забила на откровенность с Галкой и ни о чем потустороннем больше не болтала. Зачем? Честно сказать, мне была не нужна чужая вера, мне требовалось вернуться назад, а сочувственные охи-вздохи этому не способствовали. Но самым хреновым оказалось то, что никто и ничто мне не могли помочь. От осознания этого факта хотелось быть волчицей, крушить все подряд, как Кинг-Конг. Я чувствовала себя попугайчиком Кешей из мультика в тот самый момент, когда его, вольную птицу, засадили в клетку под замок, и бедолаге осталось только трясти прутья и вопить: «Свободу попугаям!»

Я тоже пыталась орать на потолок, стены и пол, тщетно упрашивая и матеря создания, благодаря коим состоялось мое путешествие, но отозвались только соседи снизу, естественно, звучными ударами по батарее, настойчиво предлагавшими мне поумерить пыл. Я даже сходила к экстрасенсу, но, едва тот заладил про венец безбрачия и сглаз, плюнула жулику в физиономию и ушла, громко хлопнув дверью. Больше у «знатоков» тонкого мира спасения не искала, зато самостоятельно облазила все считающиеся аномальными места в нашем городе и пригороде. Список включил в себя:

– Три кладбища. Там на меня смотрели с сочувственным подозрением, как на потенциальную самоубийцу. Пришлось вешать лапшу на уши о поисках могилки прабабушки.

– Пещеры в Алесинке. Я промочила ноги и перемазалась как поросенок в апрельской грязи, но не приобрела ничего, кроме насморка.

– Круг камней на окраине парка, то ли остатки чего-то и в самом деле древнего, то ли остов долгостроя, где, по слухам, любили тусоваться неприкаянные души, семафоря случайным прохожим неясными огнями. Там я напоролась на развеселую ораву старших школьников, отмечавших какое-то событие с пением под гитару и пивом. Вырваться удалось только после «посошковой».

Во всех этих местах я пыталась использовать собственноручно составленное из рун заклятие открытия врат между мирами и перемещения, тщательно вырисованное на листке формата А-4. Ясен пень, ничего не вышло! Последним актом отчаяния стало художественное оформление в рунном стиле напольного зеркала в прихожей. Масляной краской провонял весь коридор, эффект же, не считая восторженного вопля Галки: «Я хочу такое же! Только красным! Когда нарисуешь?» – опять оказался равен нулю.

Сны мои были смутны, как и явь, только тоска в них была гораздо острее, потому что снилось, как зовут меня Лакс, Фаль и Кейр, как отчаянно, будто плача, ржет Дэлькор...

Честно признаться, на меня стали накатывать не только тоска, с каждым днем становившаяся все острее, но и безнадежное отчаяние черной мысли: «А что, если я никогда не смогу вернуться?»

Я даже (о ужас!) начала писать стихи, вернее, они, негодные, вздумали писаться через меня. Строчки крутились в голове, долбили и не желали оставлять в покое, пока не оказывались на бумаге. Торопливо черкая, записывала и прятала их подальше в стол, чтобы, не дай бог, кто из друзей не напоролся на сие графоманское убожество, посвященное душевным страданиям. Наверное, будь я стоящим поэтом, на почве столь сильных душевных переживаний могла бы родить гениальные шедевры.

Но как бы плохо мне ни было, я не могла прекратить метаться в поисках выхода и решить для себя: «Все это игры воспаленного воображения, перекормленного дурацкими книжками, плюс комплекс нуждающейся в признании самолюбивой девчонки, никаких Лакса, Фаля, Кейра, Дэлькора нет и не существовало, как и не происходило никакого путешествия в «другой мир»!» Это было бы настоящим предательством не только и, возможно, даже не столько друзей (кто знает, как они восприняли мое исчезновение!), сколько самой себя. Слишком яркими и полновесными оказались мои воспоминания, к тому же имелось пусть маленькое, зато вполне реальное доказательство пребывания в ином мире – загар. Настоящий летний загар, не ровный слой пигмента, «вынесенный» из солярия, а тот самый, естественный, который ни с чем не спутаешь, заработанный под солнцем и ветром. Эта хрупкая ниточка удерживала меня над бездной безумия. Отказаться от мечты только потому, что я пока не могу найти путь к ее исполнению, – ни за что!

Я собиралась продолжить поиски, а слезы, капающие из глаз словно сами по себе, были не в счет. Минуты слабости имеются у каждого, особенно в такие пасмурные и унылые деньки, как сегодня. Даже не верится, что начало мая на дворе. Может, у Весны шизофрения и она возомнила себя Осенью? Я решительно соскочила с подоконника, потеряла отсиженную филейную часть и решила выбраться в магазин. Надо было купить чего-нибудь пожевать и вытрясти скорбные мысли из головы. Шопинг – типично женское средство от депрессии.

Заглянула в кошелек, потом на полку с заначкой. Н-да-а, денег до следующих родительских вливаний и собственного «конвертика за репетиторство» оставалось негусто, но позволить себе пачку мюсли, батон вредного для фигуры (всегда на это плевала!) белого хлеба, пачку масла, кусок сыра, пакет молока, макароны-трехминутки, чуток колбаски, яйца и сосиски я вполне могла. Закупив все, можно было бы не ходить за продуктами целую неделю.

Это у Галки в полном семействе из бабки, дедки, мамки, папки и пары братьев продукты из холодильника испарялись с космической скоростью. Не успеешь притащить три сумки (две в руках, третья в зубах!), как опять шаром покати. Мужики жрали, словно кони, обидно только, что не сено. Им все больше мясо подавай, хотя, думаю, если бы в холодильнике осталось только сено, смели бы и его. Но что самое странное, особенно здорово пропало у них в доме молоко.

Когда бы ни заглянула к подруге, вслед непременно неслось: «Не забудьте купить молока! Два, нет, три пакета!» Куда девался этот продукт, не понимали не только гости семей-

ства, сама Галка тоже не могла отыскать отгадку. Может быть, кто-то по ночам, возомнив себя Клеопатрой Египетской, в молоке купался исключительно с косметическими целями? Или я не там аномальные места искала, надо было первым делом к подруге наведаться и попробовать колдануть?

Краткий приступ уныния миновал. Ничего! Мы еще поборемся! Привычно показала язык собственному отражению в разрисованном рунами зеркале. А декор и в самом деле стильный получился! Наскоро причесала волосы, влезла в растянутые на коленках, дырявые и потертые джинсы, удобные, модные, хоть не идущие ни в какое сравнение с эльфийскими шмотками, натянула футболку с прикольным рисунком: тремя качающимися в гамаке котятами. Мазнула по губам помадой, завязала шнурки на кроссовках, застегнула молнию кожанки и, хлопнув дверью, вылетела на площадку.

Нажатие кнопки вызвало гул, стук, лязг и погромыхивание в шахте. Бинго! Лифт работал! Старая, отремонтированная-переремонтированная железка поползла ко мне на восьмой этаж. В принципе я не слишком сетовала, когда кабинка в очередной раз ломалась. Вот соседям Семенчиковым с младенцем и собакой – парочкой громогласных иждивенцев, в равной мере нуждающихся в регулярных прогулках, и впрямь приходилось тяжело. Вместе с ребенком нужно было каждый раз волоочь коляску, а вместе с псом нестись вприпрыжку вниз, ведь животине не объяснишь, что лестница – это еще не улица, – и на ступеньках справлять нужду никак нельзя.

Дверь в квартиру Семенчиковых щелкнула одновременно с громыхающими створками лифта. Я вошла, пальцем утопила кнопку блокировки дверей и крикнула:

– Жду!

– Спасибо, Ксюша! – Пыхтящий как паровоз толстый диабетик Паша – отец семейства и куда более стройный, роняющий слюни ротвейлер Степа (для любителей родословных и выставок Степандорино Ричардино Вуачард-третий) втиснулись в лифт.

Пес тут же разулыбался, завилал коротким обрубком хвоста и моментально облизнул мне руку. Я потрепала лобастую голову. Все-таки характер собаки зависит не только от генетической составляющей! Прав Макаренко, воспитание в коллективе – мощный фактор. Вот Степа добрейшей души человек, нет, все-таки собака, хоть и должен быть машинной-убийцей, а беспородная шавка Эльвира – помесь мопса с болонкой, живущая у старой доносчицы и интриганки с первого этажа, – злобная, брехливая тварь, так и норовящая вцепиться в лодыжку.

– Что ты печальная в последние дни, вот осунулась даже. С парнем поссорилась? – сочувственно вздохнул Паша, проявляя сердечность, свойственную многим полным людям, не умеющим драться и быстро бегать.

– Нет, не поссорилась, нам просто расстаться пришлось, он далеко сейчас, – ответила, предпочтя частичную правду откровенному вранью.

Зачастую куда удобнее сказать полуправду, чем выкручиваться и уверять, что у тебя все о'кей. Особенно если спрашивают искренне, сочувственно, а не гонятся за свежей сплетней.

– Это ничего, зато встреча веселей будет, – подбодрил сосед. – Вот я Маришку свою когда из командировок встречал, сердце от радости выскакивало!

– Ага! – энергично кивнула, выскользнув из лифта.

Свежий ветер на улице моментально подхватил мои волосы, норовя вырвать из хвоста отдельные прядки и придать прическе «креативный» вид. Небу, похоже, такое безобразие пришлось не по нраву, приглаживая шевелюру, брызнул дождик, но перестал быстрее, чем я успела отругать себя за то, что вышла без зонтика.

Как хорошо, что маленький продуктовый магазинчик находился в соседнем подъезде. Когда его только открывали вместо давным-давно загнувшейся парикмахерской, бунтовал весь дом, опасались шума при разгрузке и бессонных ночей по вине горлающих песни под

окнами любителей «заложить за воротник». Писали петиции во все инстанции – от ЖЭУ до президента, вызывали комиссии, получали отписки и возмущались, только митингов не устраивали, а своей правоты не доказали. Может, и не были правы, а может, власть пошла на поводу у коммерсанта.

Владелец магазинчика «Лидия» Макар Васильевич, терпеливо выслушивавший все вопли старушек на общих собраниях (я бы ему уже за одно это памятник поставила!), на свои средства сделал косметический ремонт всех четырех подъездов, выложил вокруг дома новый асфальт, посадил кусты сирени, рябину, поставил урны. Думаю, потратился Макарыч изрядно, но народный гнев мало-помалу перерос в любовь.

У жителей отпала необходимость таскаться в супермаркет, расположенный через квартал, где продукты часто бывали с душком или на исходе срока годности. Теперь мы отоваривались у Макара, да еще из соседних домов народец захаживал. Юркие, смешливые и вежливые девушки-продавщицы порхали по магазину как бабочки, норовя угодить каждому покупателю. Те, особенно неизбалованные сферой обслуживания пенсионеры и люди среднего возраста, таяли и покупали впятеро больше запланированного.

На ступеньках магазина под просторным козырьком скучал и поскуливал от полноты чувств щенок эрдельтерьера, привязанный за длинный поводок к фигурной решетке перил. Карие глаза были полны беспросветной тоски, черная шерстка на спинке серебрилась мелкими капельками влаги. Эдик, кобелек Ленки из соседнего подъезда, моей приятельницы по давним играм в песочнице, ждал хозяйку.

– Привет, приятель, скучаешь? – обратилась к малышу.

Унюхав знакомую, Эдик приободрился и заходил вокруг, обвивая меня поводком, я запрыгала, пытаюсь выпутаться из ремешка. Песик окончательно развеселился, залился задорным лаем и так увлекся новой забавой, что не сразу заметил, как вернулась вероломная владелица. Ее пожарно-красную куртку первой узрела я. Ленка, нагруженная объемным пакетом, только языком цокнула и посетовала:

– Эх ты, верный друг и сторож! Чем же она тебя купила, сухариками или колбасой?

За соленые сухарики Эдик и правда готов был отдать собачью душу, ибо обожал их до самозабвения, а колбасу, если, конечно, она правильная, а не туалетная бумага пополам с опилками, не только зверюшки любят. Вступившись за собачью честь, я объявила:

– Никаких сухариков и колбасы! Чего я, по-твоему, совсем с катушек съехала – в магазин продукты носить стала, вместо того чтобы их оттуда вытаскивать? Твой пес мне просто бескорыстно рад, в отличие от меркантильной хозяйки он способен на альтруистические поступки!

– Ладно, ладно, Ксюх, не злись. – Ленка поняла меня по-своему и, вытащив из кармана сотню, протянула. – Вот, спасибо, и извини, завертелась, забыла, с кем не бывает. Возьми!

– Это чего, взятка? – непонимающе нахмурилась я.

– Здравсте, приехали, – фыркнула Ленка, засовывая пакет под мышку и перехватывая поданный мною поводок. – Сама ж на позапрошлой неделе мне сотню дала, когда мне на пельмешки и масло не хватало. Забыла?

– Забыла. – Я пожалала плечами, приняла денежку и засунула в карман. Никогда не вела скрупулезного счета деньгам, отданным друзьям и знакомым. Крупных сумм у меня сроду не водилось, а мелочовку народ отдавал и так. Чего ж дергаться и нудить? Не голодаю, и ладно, как смогут – вернут, будет приятный сюрприз.

– Так что ж ты сразу не сказала, что забыла, я б тогда и отдавать не стала! – шутливо возмутилась приятельница.

– Ха, не стала бы! – фыркнула я. – Не клевети! Тебе бы непременно перед Эдиком совестно сделалось!

Ленка взглянула на бегающего между нашими ногами счастливого щенка и согласилась почти серьезно:

– А ведь права! Ну ладно, Оса, бывай! Мы побежали домой, пока Макс Кешу с голодухи не схарчил.

Максом звали второго мужа Ленки, а Кешами всех попугаев, которых соседка заводила на своем веку. Честно признаться, которым был по счету данный экземпляр, я бы не смогла ответить и под дулом пистолета.

– Попугайчика жалко, поторопись, – бросила уже вслед подруге, та подавилась смешком, а Эдик весело тьякнул, то ли тоже сочувствуя птичке, то ли просто радуясь жизни.

Дверь магазина раскрылась, впустив меня и выпустив парочку занятых собой говорливых бабулек в сопровождении пожилого кавалера. Дедуля придержал створку не только для своих спутниц, но и для меня, сопроводив сие действие церемонным кивком. Я улыбнулась седовласому джентльмену и поблагодарила:

– Очень признательна!

Тот приподнял черную фетровую шляпу.

Покупателей в субботний денек было достаточно. Но одна из продавщиц, Олеська, вечно экспериментировавшая с цветом своих волос (сейчас она была ярко-розовой с зелеными перышками), махнула рукой. Я заспешила к прилавку.

– Как тебе причесон? – вместо «здравствуй» нетерпеливо спросила девушка.

– На себе я бы такое лишь в страшном сне вообразить смогла, а тебе идет, – ответила дипломатично. – На фламинго похоже!

Чистые серо-голубые глаза Олеськи заволокло облачко дум, девушка явно не знала, что такое фламинго, поэтому никак не могла сообразить, оскорбляю я ее или делаю комплимент. Пока у девчонки что-нибудь внутри не переклинило, пояснила:

– Это птица такая, красивая и романтическая, про нее еще Алена Свиридова пела, помнишь: «Розовый фламинго, дитя заката...» – Я намурлыкала мелодию.

– А, точно! – разулыбалась приятельница, контакты перестали искриться. – Так тебе чего?

Принялась перечислять, попутно достав из кармана джинсов четыреста пятьдесят рублей.

Олеська зашустрила по магазину, собирая мой заказ в бесплатный пакет с символикой торговой точки. (Это нововведение нашим бабулькам очень нравилось, и, чтобы получить побольше прочных пакетов, они ходили в «Лидию» по несколько раз в день.) Потом намажуренные розовые пальчики Олеськи (вот по части маникюра я ее точно переплюнула, сейчас, например, мои ногти были черного цвета с красными и зелеными звездочками!) застучали по клавишам кассы, и девушка выдала:

– Четыреста сорок восемь семьдесят!

Я протянула заготовленные купюры, Олеська завистливо вздохнула:

– Опять все точно рассчитала, а я вот весь день у кассы, а хоть убей, никак не могу прикинуть на глазок, что сколько стоит, когда сама за покупками отправляюсь!

– Рассчитывай не рассчитывай, а если тугриков нет, взять их неоткуда что мне, что тебе, – философски отметила я.

– Это верно, – снова блеснула улыбкой Олеська и, подмигнув, таинственно шепнула: – Между прочим, в подсобке миндальное печенье и трюфели еще не распаковывали! Тебе отложить, возьмешь?

– Искусительница, – томно простонала я и, не в силах устоять перед тающим во рту наисвежайшим лакомством, выложила на прилавок Ленкин должок. – Накидай на все!

Олеська юркнула в подсобку и вернулась с парой небольших свертков, сунула их в отдельный пакет, взвесила, потом бросила сверху на уже собранные продукты. Получив

сдачу семь копеек, я сгребла продукты и, махнув продавщице рукой, направилась к выходу. Сзади, буквально в нескольких сантиметрах за моей спиной, кто-то громко фыркнул.

Я подскочила от неожиданности, едва не рассыпав по полу весь продуктовый набор, обернулась и икнула от неожиданности. Прямо на меня смотрела хитрая морда Дэлькора. Конь, рыжий хулиган с черным фингалом под глазом, стоял посреди магазина, тело по контуру светилось искристым сине-зеленым цветом, а вокруг и... сквозь него как ни в чем не бывало сновали люди.

– Забыла чего? – крикнула Олеська.

– Нет, на тебя еще разок посмотреть решила, фламинго, – помотала головой, в которую только что, подняв дыбом волосы, забрела жуткая мыслишка: «А что, если я все-таки сумасшедшая?»

В магазине стояла лошадь, моя лошадь из другого мира, только никто, кроме меня, ее в упор не видел и не слышал. Дэлькор стукнул копытом, проржал что-то нежное и попытался ткнуться мордой мне в плечо. Голова прошла насквозь, и я ничего не почувствовала, зато словно очнулась.

Блин! Да какая, на фиг, разница, в своем ли я уме, если мои друзья лишь видение, я хочу быть чокнутой! Очень хочу! Пусть никто ничего не видит, главное, чтобы видела я. Самое главное! Реальность для каждого человека своя, даже если мы живем рядом и ежедневно общаемся друг с другом. Это давным-давно известно философам. Вот я и применю этот постулат к практике! Сердце мое радостно забилось, соглашаясь с головой.

– Дэлькор, хороший мой, как здорово, что ты пришел, пойдем домой! – Украдкой смахнув что-то мокрое с глаз, я вышла из магазина.

Конь фыркнул мне в ухо трепетно и ласково, потом послушно проследовал к дверям. Сделав вид, что выпускаю из магазина полную даму с сумками (такое тело надо питать!), придержала для Дэлькора дверь. Жеребец прошел сквозь витрину, а толстуха благодарно запыхтела. Так, вдвоем с призрачным конем, мы и побрели к подъезду. Я ежесекундно оглядывалась, проверяя, не исчез ли мой друг так же внезапно, как появился. Но нет, эльфийский «подарочек» шел рядом. Пусть он не мог больше катать меня на себе, зато я видела и слышала его весьма отчетливо. После нескольких недель удушающей тоски и метаний Дэлькор стал рыжим лучиком, осветившим мою жизнь. Я захлеб рассказывала, как рада его видеть и как скучала по друзьям и по нему, как хотела вернуться. Рыжик сочувственно вздыхал и пытался облизать мне руки и лицо.

Вместе мы поднялись в лифте к моей квартире. Я уже освоилась и нашла массу преимуществ в необычном Дэлькоровом состоянии. Ведь только такого коня можно было держать на восьмом этаже в однокомнатной квартире! Куда всем тамагочам мира до моего необыкновенного жеребца! А уж если лошадь смогла прийти ко мне, неужели я не найду дорожку к друзьям? Надежда вновь запылала в душе костром!

Перед дверью в квартиру Семенчиковых пыхтел Паша, выискивал ключ по карманам, Степа сидел на коврике и терпеливо ждал.

– Маришка с Саньком сегодня по поликлинике болтаются, – обернувшись ко мне, повинился сосед. – А в кармане у меня дырка, вот ключи и ухнули. Надо все-таки подкладку зашить.

– Если ключи носить в каком-нибудь другом месте, из куртки можно устроить копилку! – дала я дельный совет. – Вот у нас математичка в институте все удивлялась, что летняя сумка такой тяжелой стала, а потом из-под подкладки сто двадцать девять рублей мелочью выгребла!

– Нет, я все-таки лучше карман зашью, – отдуваясь, пропыхтел Паша.

Степа оставил хозяина «рыбачить» в карманах, поднял с пестрого коврика круглый зад и, волоча по бетону поводок, подошел ко мне... Хотя нет, пес подошел к коню-при-

зраку и принялся его внимательно разглядывать, наклоня башку то вправо, то влево. Ноздри ротвейлера раздувались, уши подергивались, кожа на лбу собралась в недоуменную складочку. Было совершенно очевидно, что животное видело и слышало Дэлькора, однако абсолютно не обоняло.

Сердце радостно подпрыгнуло: если уж столь приземленное создание, как Степа, видит коня, значит, я вовсе не галлюцинирую, даже если схожу с ума. Отрадно! От избытка чувств повесила пакет на дверную ручку, наклонилась, обхватила мощную собачью шею и погладила. Дэлькор ревниво заржал и замотал гривой, ему тоже хотелось недостижимой сейчас ласки. Сообразительный Степа проворно попятился и снова сел на попу, поближе к хозяину. А то мало ли чего взбредет на ум непонятному зверю? Паша наконец извлек из недр куртки ключ и, облегченно вздохнув, завозился с замком.

Я открыла свою дверь и тоже вошла. Потом объявила, водрузив пакет с продуктами на подзеркальник трюмо в прихожей:

– Не сердись! Я тебя очень люблю, вот и обрадовалась, что хоть Степа тебя видит, а не только я, значит, ты самый натуральный, хоть и нематериальный конь. Никакая ты не галлюцинация, хотя, если бы и был галлюцинацией, стал бы самым лучшим глюком в мире.

Щелкнув выключателем, искала взглядом коня. Аккуратно огибая меня (при этом Дэль почти до половины ушел в стену), жеребец тянулся к зеркалу.

Стоило волшебному животному коснуться его поверхности, словно бы целуя отражение, раздался переливчатый, мелодичный, заставляющий ныть зубы звон. Свет от шкуры коня словно перекинулся на декор из рун, заставив их запылать яркой голубизной, ядовитой зеленью, холодным серебром и жарким золотом. Внутри, в раме из рун, появились серые клубы густого, как деревенская сметана, тумана. Ни я, ни Дэлькор больше не отражались в зеркале, зато в серой густоте засияла поначалу слабая, с каждой секундой становящаяся все более яркой и близкой искорка. С неистово бьющимся сердцем я следила за ней. Почему-то казалось очень важным не отвести глаза. Дэлькор так и стоял, прижавшись мордой к туманному стеклу.

А искорка, бывшая поначалу размером с головку спички, все росла и росла. Вот она уже увеличилась настолько, что я смогла различить детали. Какая, к черту, искра! Трепеща радужными крылышками в сером тумане, прямо на нас летел Фаль. Его зеленущие глаза сверкали как пара мощных фонариков, гибкое тело напряглось, выгибаясь дугой. Конь призывно заржал. Словно повинувшись этому звуку, смешавшемуся со все нарастающим звоном, сильф замахал крылышками. Вокруг Фаля моментально возникло радужное облачко из разноцветных искр, и вот уже вся серая мгла засверкала столь же ярко, как малютка сильф. Почему-то запахло мятной жвачкой, молнией блеснуло что-то тонкое, голубовато-серебристое, как игла. Дэлькор всхрапнул, попятился и толкнул меня обретшей материальность чугунной башкой. Я ощутила сильный тычок в спину, потом больно ткнулась коленками в подзеркальник и, не удержавшись на ногах, полетела головой вперед, прямо в зеркало. Почему-то стекло оказалось вязким на ощупь и холодным, как сентябрьская вода. А потом раздался захлебывающийся восторгом вопль Фаля:

– Получилось! Получилось! Полу... – И ватная темная тишина навалилась на меня мягким одеялом.

Глава 2

Возвращение. Среди друзей

Пахло нагретой на солнце зеленью, стрекотали и жужжали насекомые, где-то неподалеку чирикала несколько деловых птичек. Я очнулась на траве. Голова покоилась на чем-то пусть и не очень мягком, но чертовски уютном, вверху синело голубое летнее небо, а на груди свернулся клубочком Фаль. Его махонькие ручонки крепко вцепились в мою футболку. Похоже, малютка спал, тельце подрагивало. Справа в излюбленной собачьей позе лежал Дэлькор, прижимаясь ко мне теплым боком. Черная грива бандита щекотала руки и шею.

В первую секунду я пребывала в восторге, во вторую испугалась, что вижу сон, а в третью поняла, что мне жутко мешает твердый сучок, попавший под бок. Сунула руку под спину и вытащила ножны с кинжалом. Моим кинжалом – даром древней черепахи из озера.

– Выспалась? – послышался надо мной знакомый, чуть хрипловатый от волнения голос.

Запрокинув голову назад, увидела суровое лицо Кейра с массивным подбородком. Терпеливое ожидание в глазах смешалось с невероятным облегчением и почти детской радостью. Я протянула:

– Не знаю. В таком ответственном деле никогда нельзя быть уверенной на сто процентов.

Сказала задумчиво и лениво, а хотелось заорать во все горло от переполнявшего организм восторга, подпрыгнуть, повиснуть у телохранителя на шее, обхватить его крепко-крепко, чтобы ни одна зараза не смогла меня выдрать из этого мира и отправить по своей прихоти в другой. Своей жизнью я хотела управлять сама, не люблю плясать под чужую дудку!

Впрочем, с тем, чтобы вцепиться в Кейра, можно было и не спешить. Сильные руки воина, придерживавшие меня за плечи пусть и с показной небрежностью, преследовали ту же цель. Сообразив, что я очнулась, Дэлькор радостно заржал и нежно облил мое лицо. Терпеливо снесла поцелуи преданного коня, села, отфыркиваясь. Длинная футболка вытянулась на бедрах маленьким гамаком, в котором продолжал безмятежно дрыхнуть Фаль.

– Спасибо, Кейр, что вытащили меня. Я так соскучилась! – Потом, все-таки не выдержав, повисла у телохранителя на шее, как и собиралась с самого начала.

– Мы по тебе тоже скучали, магева, – отвел подозрительно заблестевшие глаза мужчина, сглотнул вставший в горле комок и осторожно, крепко обнял меня. – Только мы ж не маги, не под силу нам тебя сыскать было, всего и оставалось, что ждать. А как Дэлькор с места сорвался, будто бешеный, мы, коней не седлавши, следом пустились, решили, тебя конь почуял. Да разве за твоим скакуном угонишься? На полянку выскочили, глядим, ты уже здесь, и жеребец рядышком довольный лежит, скалитесь.

– Значит, Фаль и Дэлькор меня вытащили, не знаю уж, как у них это вышло! – резюмировала, потрепав буйную гриву преданного волшебного коня и осторожно погладив самым кончиком пальца рыжего сильфа, свернувшегося, будто в колыбельке, в моей футболке.

– Мелкий, стало быть, тоже тут? – подивился Кейр.

– Ага, умаялся, дрыхнет без задних ног, бедолага, – нежно улыбнулась я.

– Еще бы, в первый раз пыльцу с крылышек стряхнул для такого могущественного волшебства. – Второй голос, раздавшийся слева от меня, тоже был пусть и непривычен, но, по крайней мере, хорошо знаком.

Я резко развернулась, вызывая в сознании образ защитного круга рун, который мог укрыть меня, Кейра и Дэлькора. Рядом с двумя лошадьми стоял он. Мой несостоявшийся

киллер из Тэдра Номус. Не в прежних обносках с плеча Лакса, а в каких-то простых и в то же время изящных черно-серых одеждах, плотно облегающих тело. И пусть в руках его были поводья коней, а не кинжал, спокойней на душе не стало. Ведь именно из-за него мне пришлось в прошлый раз звать на помощь, именно из-за него меня, как нашкодившего щенка, выкинули за шкирку из этого мира. Больше я такого не допущу! Ни за что! Кинжал покинул ножны, удобно легла в ладонь рукоять древнего клинка, во второй руке начал загораться призванный отчаянной нуждой и руной *кано* шар огня.

– Оса, подожди! – торопливо выпалил Кейр, вскочив на ноги вслед за мной и схватив меня за запястья. – Гиз не враг тебе!

– Конечно, не враг, ничего личного, контракт есть контракт! – подтвердила сквозь зубы.

Прохладные серо-голубые глаза улыбнулись, голова склонилась в легком поклоне, продемонстрировав темную рыжину затылка. Киллер отпустил поводья коней, медленно развел руки, демонстрируя пустоту ладоней, опустил на одно колено и промолвил:

– Контракт закрыт, магева, согласно оговоренным условиям. Если ты желаешь покарать меня – бей.

– Это что за приступ мазохизма? – Я недоуменно нахмурилась, отстраненно отметив, как сам собой исчез с моей ладони огненный шар.

Да уж, в фаербол без настроения не поиграешь. Проклятый рыжий киллер по имени Гиз – француз, что ли, или случайное совпадение звуков? – сбил весь воинственный настрой своим рыцарственно-покорным валянием на коленях. И как прикажете понимать сей жест: военная хитрость или...

– Такова воля Тэдра Номус, – спокойно, то ли нарочито, то ли в самом деле ничего не боясь, объяснил мужчина. Узкие губы изогнула ироническая улыбка. – Отныне заказ на вашу смерть не может быть принят, и каждый, обратившийся с таким предложением, подлежит устранению. Мы чтим высший закон.

– Да-да, Остап Бендер тоже Уголовный кодекс уважал, традиция. А что ты тогда тут делаешь? – заинтересовалась, не без облегчения выслушав известие о закрытии сезона охоты на магеву Осу. Почему-то мне очень нравилась обаятельная девушка, выглядывающая из зеркала, и я совершенно не хотела расставаться с ней до срока.

– Пусть невольно, но оскорбление было нанесено, а наказание должно быть равно деянию. Отныне волей Совета Тэдра Номус я приставлен к магеве в качестве телохранителя. Ждал ее возвращения, дабы предложить свои услуги, – объяснил Гиз с прежней безмятежно-иронической интонацией.

– А если мне не захочется принять твои услуги? – моментально отбила я мяч.

– Это право магевы. – Рыжая голова склонилась чуть ниже. – Я извещу о ее решении Совет.

– И?.. – подтолкнула киллера к продолжению беседы, заподозрив за слишком простой концовочкой в стиле «не хочешь – не ешь» какое-то нехорошее продолжение.

– Никакого «и» более не будет, магева, во всяком случае для меня, – спокойно заключил мужчина.

– Но ведь это несправедливо! – возмутилась, топнув ногой. Только вот мягкая трава свела на нет всю экспрессию жеста. – Ты исполнял заказ, как принято в вашей организации, а теперь, когда запахло жареным, тебя же сделали козлом отпущения?

– За козла отдельное спасибо, почтенная магева, – прижал руку к груди Гиз и кривовато ухмыльнулся.

– Отдельное – пожалуйста, телохранитель, – фыркнула я и отвернулась, чтобы не видеть, какое облегчение разлилось по лицу Гиза, все это время пытавшегося держать маску спокойной иронии перед лицом неминуемой смерти.

– Значит, теперь у меня целых два телохранителя – бывший палач и бывший убийца, – заключила я, стремясь погасить огоньки тревоги о собственной участи, затлевшие в глазах Кейра. – Зашибись, до чего здорово! Осталось выяснить только один вопрос: где мой вор?

Бывший палач закашлялся в каком-то нехорошем смущении. Столь вопиющая симуляция болезни тружеников рудников заставила встревожиться.

– Эй, парни, чего молчите, где Лакс? – странно тонким, каким-то ломким голосом потребовала ответа.

– У балаганщиков в лагере, – выдавил из себя Кейр и почему-то покраснел.

– Заканчивай уж, – потребовала, привалившись к теплому боку Дэлькора.

Как-то разом ослабили ноги после пережитого стресса. С моим вором все в порядке! Во всяком случае, он жив, по поводу мертвых так не краснеют, а все остальное поправимо. Даже если Лакс плюнул на смывшуюся магеvu и закрутил роман с какой-нибудь фигуристой девахой из балаганщиков – переживу! Расцарапаю ей морду, ему скандал устрою, и все дела! Чтобы я такого парня себе назад не отбила? Да никогда! Рыжий ворюга – мой! Я за него любой крале такой «Последний день Помпеи» устрою, смотреть в его сторону заречется.

– Пьет без прордыху уж дней девять. Как ты исчезла, бабка из балаганщиков гадала, сказала, что не под силу человеку тебя назад вернуть, так с тех пор и пьет, – со смущением, через силу пробормотал вояка.

– Если девять дней, значит, уже напился, поминки закончены, до сороковин ждать не будем, – хмыкнула тихо.

А что оставалось делать? Не то чтобы я обожала субъектов, имевших обыкновение топить свои проблемы в вине, скорей уж, недоумевала, когда случалось оказываться свидетельницей подобного. Как может человек в здравом уме считать, что беда отступит или забудется, если хлебнуть чего-то высокоградусного? Скорей уж, если следовать логике, надо пить кофе, или колу (это не реклама!), или другие стимулирующие умственную деятельность напитки, чтобы подтолкнуть мозг к поиску выхода из безвыходного положения. Если угодил в болото, надо пытаться выбраться, а не закрывать глаза, приготовившись комфортно пускать пузыри.

Хотя, может, я и неправа, просто не доводилось мне бывать в такой кризисной ситуации, когда больше всего на свете хочется «уколоться и забыться», забыть обо всем и о себе. Пока не была и, надеюсь, никогда не окажусь. Даже в часы самого беспросветного отчаяния, в трудные недели разлуки ни на секунду не хотела вычеркнуть из памяти время, проведенное в Хавале, и своих друзей. Уже одно то, что они есть где-то во Вселенной, вселяло в меня веру и радость, пусть с примесью тоски и боли, но истинные веру и радость.

Я вскарабкалась на неоседланного Дэлькора, аккуратно придерживая подол футболки с крепко спящим сильфом, и, использовав черную гриву коня вместо поводьев (длинные пряди, перемежающиеся аккуратно заплетенными косичками), огласила план действий на ближайшее будущее:

– Поехали, хочу глянуть в глаза этому начинающему алкоголику неблагонадежной эльфийской наружности. На месте и решим, искать в здешних краях наркологический диспансер или обойдемся холодным душем и рассолом! – скомандовала решительно.

– Твои колдовские вещи братъ, почтенная магева? – подчеркнуто вежливо уточнил Гиз.

– Мои колдовские вещи? – переспросила, пробормотав себе под нос: «Я все ловлю на лету, но непонятно, что конкретно ты имеешь в виду?» Взгляд скользнул по полянке и почти сразу наткнулся на небольшой бело-синий пакет с дамской мордочкой из «Лидии» и сумочку. Ого! Так они тоже через зазеркалье путешествие совершили! Похоже, когда я проваливалась в вязкий туман, верхний пакет со сладостями зацепила. Какая предусмотрительная, в этот раз даже с гостинцами явилась! Будет чем Фаля разок побаловать, коль от иномирных деликатесов нос воротить не станет. – Конечно, братъ! Сумочку мне, остальное вам!

Кейр подал за ремешок сумочку, с некоторой опаской уместил на седло «волшебный» мешочек, шуршащий как тысяча буйных шуршалок, и взлетел на коня. Гиз синхронно повторил его движение, заняв место по левую сторону, чуть сзади от меня. Наша маленькая кавалькада тронулась к изрядному пролому в зарослях кустов, организованному группой лиц, встречавших меня любимую.

– Кстати, вопрос по существу: где мы вообще географически находимся, сколько я отсутствовала и далеко ли до балаганщиков, у которых квасит Лакс? – попросила выдать справку, полной грудью вдохнув запах этого мира.

– А ты не знаешь, магева? – удивился Кейр и уставился на меня с подозрительным прищуром.

– Знаю, конечно, просто тебя на склероз проверяю, – съехидничала, но тут же, удивившись, что невольно сорвалась из-за пьянствующего Лакса на вполне трезвом и ни в чем не виноватом телохранителе, постаралась объяснить: – Кейр, думаю, в наших мирах время течет по-разному, я ведь три недели лбом во все стенки долбилась, пока Фаль с Дэлькором мне не помогли открыть дверь. А что здесь творилось, понятия не имею, но очень хочу знать!

– Ага, – придя в недоумение от магевских причуд, потер лоб воин, но отрапортовал четко: – Тебя не было ровно половину луны. Мы сейчас близ Мидана, лесом до города минут семь напрямик. Когда ты исчезла, Оса, закатив на площади представление, в городе такой переполох поднялся, что мы постарались затеряться у балаганщиков. Думали, вот-вот вернешься, значит, далеко уходить нельзя. Там нас Гиз и отыскал. Понятное дело, мы в драку кинулись, но он растолковал, что к чему. Растолковал, и мы поверили – не враг он тебе больше.

– Не друг и не враг, а так... Ладно, посмотрим. А с какого перепуга Лакс запил, неужто только из-за слов гадалки, или вы от меня что-то важное скрываете, какую-нибудь знатную гадость про запас отложили? – демонстративно хмурясь, потребовала ответа.

Хотя вообще-то мне хотелось вопить во все горло что-нибудь ликующе-тарзанистое, чтобы в страхе прятались все окрестные Шерханы. Я ведь вернулась! Ур-р-ра! Здесь со мной магия, волшебные помощники руны, а значит, все будет офигенно хорошо, даже если пока все не очень.

– Нет, магева, ничего не таим, все они, эти проклятые предсказания, – буркнул Кейр, сплюнув под копыта коня. – Первое ты и сама слышала.

– «Скоро та, которая тебе дороже самой жизни, перестанет ходить по этой земле!» – провыла я с многозначительно-трагичным видом а-ля баньши.

– Второе было не лучше, – мрачно прокомментировал воин. – Лакс и так сам не свой ходил, весь истомился, а когда от старой Матиассы (это та самая ведьма, что в трактир приходила, ее балаганщики чуть ли не за главу клана почитают!) услышал: «Не под силу рукам человеческим вернуть магеву!» – и вовсе духом пал. Ты прости, Оса, небось меня виноватым считаешь, что его из трактира за уши не вытащил. А только я видел, как он у шатров с твоим кинжалом бродит, поглаживает и что-то под нос бормочет, а глаза пустые, будто из них душу вынули, вот и решил, пусть уж лучше пьет. Авось ты вернешься, все наладится, а коли нет, может, со временем боль поутихнет.

– Руками человеческими, это она правильно сказала. Копыта, морда и крылья руками не считаются, – фыркнула, поглаживая бархатную шкуру волшебного коня, преодолевшего границы миров, чтобы вернуть меня. – Буква истины соблюдена, а что до смысла, кто поверил, сам дурак.

– Как есть дурак – в магеву влюбиться, – отвернувшись в сторону, прошептал Кейр себе под нос тихо, чтобы я не услышала.

– Гиз, а это нормально, что Фаль до сих пор спит? – обратилась с очередным вопросом уже к экс-киллеру. Мотылек, конечно, любил поспать, но чтобы вместо встречи, радостных

объятий и ревизии гостинцев давить ушко – это казалось малость подозрительным даже для очень уставшего дружка.

– Я не знаток жизни сильфов, почтенная магева, – суховаато отозвался мужчина.

– Эй, Гиз, – прервала спутника и чуть придержала Дэлькора. Протянула руку, ухватила повод коня новоиспеченного телохранителя. Лошадка зыркнула на меня не слишком доброжелательно, но, уважая авторитет эльфийского жеребца, тятать всадницу не стала. – Чего я тебе такого злодейского сделала, что ты ерничаешь без перерыва на обед? Заладил как попугай: «Почтенная магева! Почтенная магева!» Не я тебе задание на отстрел магев давала, не я тебя с должности снимала, не я лишала возможности и дальше народ профессионально на тот свет отправлять. Я понимаю, отстранение от любимого дела, возведенного в ранг искусства, неприятно, но ведь это не конец света. Жизнь продолжается, может, ты себе какое-то другое занятие по душе отыщешь. Охранять иногда куда труднее, чем убивать, а что скучно со мной не будет, ты и сам знаешь.

– Прости, Оса, ты права во многом. – Мужчина извинился, искренне улыбнулся – не прежней ядовито-ироничной, а нормальной, пусть и грустной улыбкой – и, переиначив некогда слышанные от меня стихи, сказал: – Винить тебя мне не в чем, свои меч, щит и путь я выбрал сам, и они мне нравились. Теперь придется привыкать к новым.

– Все к лучшему в этом лучшем из миров! – подбодрила телохранителя цитатой.

– Какой из миров ты имеешь в виду, магева? – выгнул бровь Гиз.

– Не будем размениваться на частности, я говорю вообще о Вселенной! – широким жестом обвела округу, отпустив повод Гизовой лошади, и велела: – Улыбайся, а то в ответ на вечно хмурюю рожу мир тебе такой кукиш скрутит, что враз найдется повод скорбеть не по-детски! Так как насчет сильфов, может, знаешь чего?

– О сильфах и их магии мало известно, Оса, – не стал ломаться мужчина. – А о трансформации юного сильфа в создание живой магии, творящее волшебство одним взмахом крыл, еще меньше. Я не маг, даже вижу-то его только благодаря амулету.

– Ага, значит, технической поддержки тебя не лишили? – встряла я.

– Мне позволили оставить некоторое количество предметов, способных оказать помощь тебе, – согласился Гиз. – А про сильфов слышал только, что пыльца на их крыльях должна созреть, чтобы обратиться в магию. А потом, думаю, этой магии тоже надо учиться, так же как нам письму или счету.

– Вывод логичный, – подумав, согласилась я и пожалела вслух: – Плохо, у Кейра такого амулета, как у тебя, нет.

– Я могу отдать ему свой, если прикажешь, – отозвался киллер.

– Гиз, я тебя сейчас пну! – зловеще пригрозила ему.

– Как будет угодно почтенной магева, – покорно склонил голову мужчина, но я успела увидеть на его лице ерническую ухмылочку. Он меня дразнил!!!

– А вот и не пну! – тут же царственно закапризничала и хихикнула: – Передумала! А насчет амулета чего-нибудь придумаем. То, что один человек сотворил, другой не только завсегда разломать сумеет, но и повторить тоже!

– С «разломать» проще, – авторитетно поддержал беседу Кейр.

– Кто бы спорил, – согласилась, вспоминая поучительную историю своей страны и развалины Тени Ручья. – Впрочем, мы пойдем более трудным путем и ничего ломать не будем, ну, пожалуй, кроме кустов, потому что летать, подобно сильфам, пока не наострились, а в Мидан добраться надо. Для начала попробую Фаля в чувство привести.

Трясти и будить малыша не хотелось, если он действительно устал, бедолага, ему надо было помочь отдохнуть. Может, стоило дать сильфу отоспаться, но уж больно стосковалась я по звонкому голоску непоседливого малютки.

Перебрав мысленно подходящие руны, остановилась на четырех и, шепча их названия: *урус, соулу, веркана, йер*, – принялась чертить пальцем над дрыхнувшим без задних лап Фалем. Тонкая фигурка удивительного создания, живая, дышащая и одновременно кажущаяся статуэткой из бледного, будто светящегося изнутри янтаря, покоилась в облаке из длинных рыжих волос и пары разметавшихся радужных крыльев. По мере того как руны *силы, энергии, роста и урожая*, пробужденные к жизни моим призывом, обретали жизнь, сливаясь воедино, Фаля все явственнее окружала оболочка, сияющая как маленькое личное солнышко.

– Хочешь сделать из сильфа фонарик? – полюбопытствовал Гиз, ничуть не смущенный моим «сильным колдунством». Между прочим, мужчина четко уловил момент, когда я перестала творить магию и можно было говорить, не рискуя огрести по полной программе за сказанное под руку в ответственную минуту. Наверное, благодаря своему амулету свежеиспеченный телохранитель видел многое, недоступное обычному зрению. А может, это я после вынужденного перерыва, дорвавшись до магии, действовала с избытком внешних эффектов. Впрочем, проверять времени не было, шарик яркого света словно влился в тело и крылышки сильфа, он потянулся по-кошачьи, распахнул невероятные изумрудные глаза и радостно завопил:

– Оса!

Взметнувшись вверх маленькой ракетой, Фаль спикировал мне на плечо и так крепко вцепился крохотными ручонками в шею, что, будь мой дружок чуть крупнее, одной магевой в мире стало бы меньше. И эпитафией на могильной плите была бы надпись: «Она умерла от чужой радости».

– Я так скучал! Так скучал, когда ты исчезла! Я даже плакал! А ты скучала обо мне? – зататорил сильф, усевшись на моем плече поудобнее, но ладошек от шеи не отнял, будто опасался, что стоит выпустить меня из рук, и непутевая магева опять испарится.

– Очень скучала, – завершила малыша и поразилась, какой радостью вспыхнул его зеленый взгляд. – Ты мне даже снился! Спасибо за то, что помог вернуться, Фаль! Как же тебе это удалось?

– Сам до конца не понял, – потупился мотылек и, в волнении болтая ногами, принялся рассказывать: – Я думал о тебе и спал, когда Дэлькор вдруг заржал, услышав твой зов, и помчался в лес. Я решил, что ты вернулась, и со всех крылышек полетел за ним. Навстречу! Дэлькор очень быстро скакал, потом заржал снова, весь засветился и исчез. Я чуть не заплакал от разочарования – так мне к тебе хотелось. Тогда и случилась со мной она. Магия сильфов. Пыльца засветилась, увидел коня и тебя, а вокруг – очень красивый узор, словно рамка фигурного пламени. Я еще сильнее к вам захотел, и так само получилось, что вы взяли и оказались рядом! А я так устал, что сразу уснул. Оказывается, творить магию очень тяжело. Только если бы еще тысячу раз так сделать пришлось, все равно бы сделал, лишь бы ты больше никуда не исчезала! – Мой маленький товарищ глубоко вздохнул.

– Спасибо, Фаль, ты настоящий, верный друг! – искренне поблагодарила и перевела рассказ малютки исключенному из беседы по причине магической невосприимчивости Кейру. Сильф же в порыве чувств чмокнул меня в шею и заискивающе поинтересовался:

– А что ты мне в подарок принесла?

Заметьте, не «принесла ли что?», а «что принесла?».

– Потом покажу! – шепнула загадочно.

Мне сразу стало тепло, смешно и уютно, как в широком кресле под пледом в прохладный денек. Пусть мы ехали через лес к городу, где я провела едва ли сутки, чувство было такое, что вернулась домой. Умиротворение (вот теперь все правильно!) на лице Кейра, непоседливая радость в глазах Фаля, его искристые крылышки, доверчиво щекочущие мою шею, бархатная спина Дэлькора подо мной – это был дом! Не хватало только лукавой улыбки

Лакса, но этот недочет я собиралась исправить. Благо что мы уже почти добрались до Мидана. Во всяком случае, стук топоров и переключка дровосеков где-то слева слышались все отчетливее, а впереди нарастал ровный гул большого города. Проложенная Дэлькором тропа кончилась в стене кустов у дороги, неподалеку от балаганщиков, как и три недели назад, расположившихся у стен Мидана. Только тогда я сподобилась уточнить:

– Кстати, Кейр, ответствуй, переполох в городе унялся?

– Губернатор с супругой в узилище под следствием, их дочь добровольно удалилась к сестрам-целительницам Миранды, твой знакомый красавчик Фелик временно назначен новым губернатором, – дал коротенькую справку Кейр.

– Да уж, повезло бедолаге, – посочувствовала симпатичному юноше, на плечи которого господин в благодарность за спасение возложил столь тяжкую ношу. Любое доброе дело наказуемо!

– Но в город мы все равно возвращаться не стали, мало ли у прежнего губернатора знакомцев, жаждущих отыграться за потерю влияния на дружках магеvy! – резюмировал мужчина.

– Да, недобитые сторонники прежнего режима – опасные твари! – согласилась я и выдала свежесочиненный афоризм: – Осмотрительность – мать долголетия!

– Очень правильные слова, не забудь! – осторожно, как ядовитую змейку, придерживая в седле иномирный пакет, посоветовал Кейр не без добродушного ехидства. Будь у мужика усы, непременно сейчас усмехнулся бы в них.

– Для того чтобы их помнить, у меня в компании имеются два очень полезных человека, называются телохранители. Так, к сведению, ты, Кейр, – один из них, значит, я теперь могу быть в два раза безопаснее! – нахально заявила под залиvistый смешок Фаля.

– Упаси Творец! – «испугался» мужчина.

– У меня бывают провалы в памяти, – обронил с эдаким задумчивым намеком Гиз, остроумно, но тщетно пытаясь призвать меня к осторожности.

– Главное, чтобы ты ничего важного не запамятовал, к примеру, не забыл того, что отныне на меня не охотишься, а то начнут меня снова спасать и прятать, как дохлую мышь. Не хочу! – оповестила киллера и тут же хлопнула себя ладонью по лбу: – Да, кстати о забывчивости, я ведь балаганщикам с их куклами разобраться обещала. Ладно, после Лакса – они следующие в плане мероприятий.

Людная во второй половине дня дорога в Мидан (в том месте сливались в один два тракта: относительно обихоженный новый и старый, тот самый, каким я добиралась сюда в первый раз) вывела наш маленький отряд к городским стенам. «Осадившая» его ради добывания средств к существованию путем купли-продажи, развлечения и разведения лохов ярмарка бурлила вовсю. К счастью, внешний облик моей несравненной персоны не успел запечатлеться в памяти горожан. К тому же теперь на магеve были не шикарные эльфийские одежды или прикид от маэстро Гирцено, а иной, более диковинный наряд.

Блуждать среди массы прилавков, шатров и иных временных сооружений, пробиваясь верхом сквозь плотную массу народа, не пришлось, Кейр неплохо изучил местность за время вынужденного простоя. Телохранитель сразу направил коня по широкой, относительно свободной от толпы дуге на северо-западный край ярмарки, к одному из шатров-трактиров какого-то яростного оранжево-лилового цвета. Оттенок этот бил по глазам и невольно привлекал внимание. Наверное, владелец заведения следовал маркетинговому девизу: «Самое важное, чтобы обращали внимание. Какое – неважно!» Так, впрочем, поступали и «звезды» кино или эстрады в моем родном мире. А вот что двигало Лаксом, избравшим для дислокации столь умопомрачительный притон, так и осталось для меня загадкой. Может, мой вор с горя лишился цветного зрения? Говорят же о сильных душевных потрясениях: «мир стал черно-белым». Вдруг для особ эльфийских кровей это не иносказание?

Я мрачновато хмыкнула, соскальзывая со спины Дэлькора, мужчины тоже спешились. «Верхом» сидел лишь Фаль, так и не покинувший моего плеча. Похоже, сильф настолько соскучился, что не собирался отпускать меня ни на секундочку. Я не возражала, сама бы во всех вцепилась, коль не боялась бы походить на капризного ребенка.

Глава 3

Пьянству – бой! А также о гурманах и сути служительницы

Оставив лошадей у коновязи под присмотром щербатого паренька с художественно-кривыми зубами, вошли внутрь.

Полутемный после света дня шатер был примерно на треть заполнен народом. Среди столов, грубых, сколоченных из козел, и лавок столь же прозаического происхождения сновала подавальщица в пестром от пятен переднике. Таковую одежду – в рамку и на выставку! Чистый сюр, любой любитель авангардизма оторвал бы с руками!

Завидев нас, женщина тут же поклонилась и вопросительно уставилась на меня, ожидая заказа. Все-таки лестно! Главной в компании сочли девчонку, сильно уступающую габаритами обоим мужчинам. Вот он, магевский авторитет! Я с достоинством качнула головой, дескать, погоди, пока ничего не надо, и огляделась в поисках субъекта, ради которого мы заявились в сие уникальное питейное заведение.

– Вон он. – Рука Гиза метко указала в самый темный левый угол.

Ну и зрение у киллера, просто сокол, «чому ж не летает». Там, куда показал палец, и правда, сгорбившись над столом в гордом, хотя, скорее уж, в каком-то потерянно-печальном одиночестве, сидел Лакс. Подойдя поближе, заметила на столе три кувшина. Один был пуст, второй опустошен наполовину, третий пока полон. Вор держал полупустой сосуд и бездумно хлебал из него глоток за глотком. Из закуски на столе стояла лишь миска с сухарями, обсыпанными мелкими семенами. Причем емкость оказалась почти полной: то ли ее регулярно досыпали, то ли мой приятель пил, не закусывая. Фаль, не слетая с плеча, потянул носиком ароматы выпивки и построил брезгливую мордашку. Спиртного сильф не жаловал, во всяком случае, нам пока не попадалось такое, чтобы пришлось малышу по нраву. Впрочем, судя по запаху, глушил Лакс не «Хеннеси» или «Мадам Клико», а откровенную кислятину, годную только для помутнения в башке.

– *In vino veritas!* – остановившись в шаге у стола прямо перед уставившимся в кувшин вором, процитировала на плохом латинском и перевела спутникам: – Поговорка такая есть: истина в вине. Наверное, мужчины придумали, чтобы перед бабами пьянство оправдать. Похоже, наш друг ведет интенсивные поиски истины, и как только мочевого пузырь выдерживает!

Лакс, если и слышал мою сентенцию, даже головой не повел, похоже, был слишком пьян. Лицо вора, сроду не бывшее образцом округлости, теперь осунулось и истончилось до совершенно эльфийского состояния хрупкости, исчез последний намек на румянец, кожа стала белой, с нехорошим серо-зеленым отливом. Я неодобрительно цокнула языком и позвала подавальщицу. Женщина подлетела и присела в угодливом реверансе.

– Принеси, пожалуйста, кувшин чистой воды, заплачу как за лучшее вино, – попросила я.

Прислуга недоуменно заморгала белесыми ресницами, губы расплзлись в заискивающей лягушачьей улыбке:

– Простите, почтенная магева, у нас не подают воду, если вы желаете, pošлю мальчика к колодцу!

Я подумала над тем, чтобы сыграть старинный прикол «наоборот». Жидкость, она и есть жидкость, если воду можно превратить в вино, значит, можно и из вина сделать воду, разложив его на составляющие, но, не будучи уверенной на сто процентов в конечном

результате, вот так с ходу экспериментировать не решилась. Вдруг еще кто из здешних небожителей сочтет, что я в его епархию лезу, и накомстыляет?

– Действуй, – разрешила, и «подавальщица» исчезла весьма проворно, готовясь исполнить любой каприз магевы за ее деньги. Впрочем, при здешнем уважении к представителям моей профессии дело было не только и не столько в деньгах, сколько в желании угодить. Небось и даром бы слетала.

– Между прочим о «заплачу». Кейр, этот прохвост еще не все наши деньги пропил? – осведомилась я походя.

– Он ни монетки не взял, Оса, все у меня хранится, – вступился за честь алкоголика телохранитель. – Я только дядюшке Каро заплатил за место в его повозке, где мы твои вещи сложили, и за постели.

– Вещи? – оживилась я, считавшая свой гардероб безвозвратно пропавшим в «Резвых рыбах». Когда надо быстро сматываться, не до забот о запасах одежды, главное ноги унести. – Неужто вы прихватили мои шмотки от эльфов и Гирцено?

– Конечно, – коротко и почти снисходительно улыбнулся мужчина моему типично женскому поведению.

– Кейр, я тебя обожаю! – умилилась и одобрительно похлопала друга по плечу.

Гиз в разговоре не участвовал. Застыл, как подобает телохранителю, статуей, слился с обстановкой, жил только его взгляд. Может, мне показалось, но на Лакса киллер смотрел со странной смесью презрения, сочувствия и зависти. Напиться, что ли, хотел? А еще бы не хотеть, когда из-за неудачного заказа вся жизнь под откос покатила, и оказался привязанным к вздорной девице крепче, чем веревками, на всю мою жизнь!

– Вот, магева. – Служанка вернулась с большим пузатым кувшином, в котором плескалась холодная колодезная водица.

Кейр сунул ей в ладонь монету, я взяла кувшин за запотевшие бока, повертела в руках. Замечательно, даже карандаш не понадобится! Перехватив кувшин одной рукой, второй скоренько начертала на влажной от капелек конденсата поверхности комбинацию из трех рун. Первой использовала *ису*, чтобы остановить процесс пьянства, потом призвала силу *тейваз*, для направления движения к цели, и завершила тройку рун *винья*, руной *радости и исполнения желаний*. А как же иначе? Ведь я хотела, чтобы Лакс перестал пьянствовать и заметил мое возвращение, а он, надеюсь, желал, чтобы я вернулась.

Быстро, пока мои письма не запотели, обвела их руной *ингус* – ромбом, объединяя руны и смешивая их силу в единое заклятие. А потом решительно перевернула кувшин над головой вора.

Ледяная вода, перемешанная со льдинками (*иса* сработала на совесть!), потоком обрушилась на скорбно склоненную голову моего вора. Лакс выронил кувшин и завопил. Почему-то воды оказалось куда больше, чем полагалось. Вор вопил, а вода все лилась и лилась, пока не промочила его насквозь и не образовала вокруг стола приличных размеров лужу. Краем глаза я заметила, как бочком-бочком потянулся к выходу пьющий народ. Очень тихо, но с приличной для выпивох скоростью. Может, решили, что магева собирается бороться за трезвость и пора уносить ноги, пока ледяным душем не угостили каждого.

А вот фига! Все водные процедуры я приберегла для Лакса. Тот довольно быстро перестал орать и, кое-как отплевавшись, выдохнул совершенно трезвым и бесконечно счастливым голосом:

– Оса! Ты здесь!

Никогда не думала, что насквозь мокрые и стучащие зубами от холода люди могут выглядеть такими радостными – даже если они моржи и каждую зиму в проруби полощутся. Вор даже не полез обниматься, только смотрел на меня неотрывно, словно не смог бы наглядеться и за целую вечность.

– Вообще-то, – сварливо констатировала, бухнув опустевшую емкость на стол, – я здесь уже минут двадцать стою, но ты так интересовался содержимым своих кувшинов, что пришлось бороться за внимание.

– Напомни мне: никогда не напиваться в присутствии магевы, – бросил Гиз Кейру.

– Такое, пожалуй, забудешь, – откликнулся тот, впечатленный зрелищем.

– Пьянству бой! Да здравствует трезвый образ жизни! – категорически подтвердила я. – Вставай, Лакс, пошли, нас ждут великие дела!

– Ага! – продолжая улыбаться совершенно по-дурацки, согласился тот и, похрустывая льдинками, вылез из-за стола. Вода капала с парня как с водяного или утопленника, но счастливая улыбка не сходила с посиневших от холода губ, и голубые глаза горели тем особенным ласковым огнем, по которому я так тосковала. – Ты все-таки вернулась!

– Или, вернее будет сказать, мне помогли вернуться, – поправила я, и сифф гордо встрепетнул яркими крылышками. – Самой мне не хватало сил. Дверь-то я нарисовала, но, чтобы открыть ее и проложить дорогу, понадобились совместные усилия Дэлькора и Фаля, кажется, еще и мой клинок серого пламени посодействовал.

– Куда мы идем? – спросил Лакс скорее для проформы, похоже, сейчас ему это было безразлично, лишь бы шагать рядом со мной.

– Переодеваться, – пожала плечами, выходя из шатра. – Ты мокрый как мышь, утопленная в сортире заодно с террористами. Еще воспаление легких заработаешь, в таком-то виде разгуливая, да и мне надо шмотки сменить.

– Точно, рубашка у тебя еще ничего, а вот штаны порваны и до бахромы износились, – деловито согласился практичный Кейр. – Видать, дорога к нам тяжелой была!

– Ты варвар! Ничего не понимаешь в колбасных обрезках! – оскорбилась я за свои драгоценные джинсы. – Это мода такая, между прочим, не какой-нибудь ширпотреб, в фирменном магазине куплены!

– Что, с готовыми дырками? – иронично выгнул бровь Гиз, думая, что острит.

– Конечно! И с бахромой, – гордо подтвердила, задирая нос.

– В твоей стране очень странно одеваются, магева, – покачал головой киллер, кидая монетку мальчику и отвязывая повод своего коня.

Дэлькор, которого я никогда не привязывала, радостно прижался ко мне теплым боком, пришлось ласково почесать морду верного коня и честно ответить:

– В моей стране вообще все странно. С каждым годом все страньше и страньше. Я вам даже пересказывать не буду насколько, а то свихнетесь. Сдавай вас потом в дурдом, себе новую компанию ищи, сызнова привыкай. Не хочу!

Садиться на коней мы не стали, балаганчик дядюшки Каро был не настолько далеко от питейного заведения, где квасил Лакс. Вообще шатры кочующих циркачей (я считала балаганщиков смесью цыган и шапито!) располагались весьма расчетливо. На некотором расстоянии друг от друга, не настолько близко, чтобы создавать конкуренцию, и не настолько далеко, чтобы нельзя было позвать своих, случись что. Причем балаганщики «кооперировались» в группки по три-пять шатров, специализирующихся на различных развлечениях. Яркий фасад призывно пестрел, завлекая клиентов, а искусно огороженный тыл скрывал полупустые повозки и служил чем-то вроде компактного лагеря. Фургончик, куда парни складировали вещи и где коротали ночи, находился с краю лагеря. Народу тут сейчас почти не было, основная масса балаганщиков давала представления, зарабатывая хлеб насущный, развлекала людей в полосатых шатрах. Кейр и Гиз повели лошадок к общей коновязи.

Лакс, выбивая зубами, словно кастаньетами, классическую барабанную дробь, замешкался у занавеса фургона, и я подтолкнула его за мокрый, но все равно приятно-мускулистый филей:

– Чего встал, приятель? Залезай скорей!

– Я подожду! Тебе ведь тоже переодеться надо, – напомнил вор.

– Стопроцентно надо! Так что хватит дорогу загораживать, чай, не Александр Матросов на амбразуре, – воскликнула с наигранной сердитостью и вполне реальным беспокойством. – Фургон большой, что мы, вдвоем, что ли, не поместимся? Ты в достаточной мере воспитанный мальчик, чтобы отвернуться, я, так и быть, заглядываться на твои заиндевшие прелести не буду. Хватит ворон считать, а то пневмонию заработаешь, лечи потом, ману трать! Залезай, кому говорю!

Перестав упрямиться, мокрый вор юркнул в фургон, даже доски не скрипнули, я с меньшим изяществом (ну не было эльфов в роду!) забралась следом.

Перелезла через набитые соломой матрасы, стопкой сложенные вдоль стены, в правый задний угол фургона и с наслаждением принялась копаться в своем сундуке, выбирая смену одежды.

За нагроможденным багажом могла с комфортом переодеваться пусть не баскетбольная команда, но еще парочка девиц среднего роста и моей комплекции. Легчайшую светло-зеленую рубашку с широким вырезом, серо-зеленый брючный костюмчик (штаны и безрукавку) и мягкие не то туфли, не то мокасины эльфийского производства я надевала под чавканье воды в стаскиваемой Лаксом одежде. После особенно громкого хлюпа (так понимаю, на доски упали брюки парня!) тот облегченно выдохнул и зашуршал чем-то более сухим. Кажется, начал вытираться. Такого звукового оформления процесса Лаксу показалось мало, он не выдержал и спросил почти с робостью:

– Оса, ты на меня злишься?

– А то нет! – фыркнула, застегивая маленькие блестящие пуговички на жилетке, служащие сердцевинками цветков, вышитых на одежде. – Стоило на недельку оставить, и уже нахожу в кабаке, если бы еще и с бабой, вообще бы прибила или во что-нибудь превратила!

– Правда? – Лица Лакса я не видела, но, судя по интонации, на физиономии его расплылась блаженная улыбка, во всяком случае, мурлыкал он как котяра, обожравшийся свежей сметаной.

– Кому-то, чувствуется, одного купания было недостаточно, – предостерегающе прокомментировала я.

– Нет, что ты, вполне, вполне! – резво откликнулся вор. – Очень бодрит и дурь из головы вышибает. У меня все в порядке теперь, когда ты рядом. Я так рад, что ты возвратилась, Оса!

– Я и сама рада, – согласилась, пошевелив пальцами в мягчайшей обуви, и попросила: – Только в жизни всякое случается, ты больше не дури, не верь предсказаниям. Они ж намек, подсказка или загадка, а не прямой указ к действию. Вспомни хоть тот случай со стрелой!

– Может, у тебя и так, все повернуть да поменять можно. А у меня ведь сбывались, и не раз, – коротко и виновато вздохнул парень, звякая пряжкой ремня. Проворный вор уже почти оделся.

– Между предсказаниями для тебя и для меня никакой метафизической разницы не существует. Ну чего уперся? Все равно уже не раз талдычила: сбудется что или нет, все от нас зависит, если, конечно, разумную меру между фаталистической безнадежностью и пустыми метаниями соблюсти удастся, – привалившись к сундуку для удобства, захихикала я, вспомнив один из любимых анекдотов. Фаль тоже заерзал на моем плече, меня позу. Сильф в беседу с вором не вмешивался, на удивление тактично почувствовав, что этот разговор не про него.

– Ты чего смеешься? – почти обиделся Лакс.

– История в тему на ум пришла, – поделилась я. – Один мужик шел по улице и увидел Смерть. Она стояла и очень пристально, эдак неотрывно, смотрела. Того пот холодный прошиб, сгреб он все свои сбережения, кинулся к колдуну, взмолился: «Прошу тебя, спрячь,

отправь меня куда-нибудь подальше, Смерть за мной идет!» Колдун, не будь дурак, деньги взял и зашвырнул мужика в далекую-далекую страну на людный базар, где его и растоптал спустя пару минут взбесившийся зверь вроде огромной лошади с длинным носом. Смерть душу беглеца встретила и головой покачивает: «Ты даешь, мужик, ну и скорость, а я-то все дивилась: какого фи́га ты сегодня в городе делал за тысячу миль от места, где мне тебя забрать предстояло!»

Вор против воли хохотнул над пересказанным анекдотом, а я продолжила:

– Это насчет пустых метаний, загоняющих в угол, вместо того чтобы выход подсказать. И еще, помнишь, я как-то о Первом правиле волшебника эльфам говорила? Ты поверил в то, во что больше всего боялся поверить, и даже не стал думать, что все эти «перестанет ходить» и «не под силу рукам человеческим» могут означать что-то отличное от того, что ты уже успел вбить себе в голову!

– Тебе легко говорить, ты же магева, а без талантов к волшебству в этой паутине не разобраться. Точно мушка, только больше запутаешься, – вздохнул Лакс и помотал головой. – Я, впрочем, все одно дурак, нашел где утешения искать – на дне кувшина. Прости, коль сможешь!

– Творец простит, а мы лучше пойдем обедать, – рационально предложила я. – Кейр мисками гремит, обильное слюноотделение провоцирует, Фаля сейчас Кондратий обнимет от неразрешимых противоречий: где лучше находиться – на моем плече или в том священном месте, где кашу раскладывают.

– Оса! – укоризненно зазвенел сильф. – Ты куда лучше перловой каши с ветчиной!

– Ну спасибо, дорогой, за столь высокую оценку! – выбираясь из-за баррикады вещей, заулыбалась я, отметив, как малыш по запаху угадал меню будущей трапезы. – Однако я тоже есть хочу, а Лакс, если кушать не желает, может просто на нас благоговейно смотреть.

– Именно благоговейно? – уточнил вор с почти прежней задорной ухмылкой.

– Именно! – с поистине королевским достоинством подтвердила я, показав приятелю язык, и прошествовала мимо него.

Очень хотелось остановиться, прижаться к Лаксу, почувствовать рядом с собой его жилистое тело, снова вдохнуть его удивительный травянистый запах, зарыться пальцами в начавшие высыхать и виться задорными вихрами рыжие лисьи волосы и смотреть, смотреть в голубые веселые глаза, следить за тем, как смех в них уступает место совсем другим чувствам. Однако поистине титаническим усилием воли удержалась от «развратных» действий. Я, конечно, очень соскучилась, но бросаться так вот на два протрезвевшего парня казалось мне не слишком уместным, да и Фаль с телохранителями вряд ли предоставили нам достаточно времени для романтического свидания.

А еще я чувствовала какую-то едва уловимую скованность после разлуки. Так часто случается даже между очень хорошими знакомыми. Ты помнишь, как хорошо бывало прежде, надеешься, что так же станет снова, и одновременно боишься, что больше так не будет, поэтому тянешь время, ждешь, чтобы само все утряслось. Иногда утрясается, иногда нет. Мне казалось, что с Лаксом непременно утрясется. Ведь когда я проходила мимо, он подался навстречу и остановился, смутившись. Наверное, все еще переживал за свое свинское поведение.

Уловив это его движение, я разом отмела все предрассудки. Неожиданно развернулась, нежно чмокнула вора в щеку и шепнула в острое ухо:

– Как здорово снова тебя увидеть!

Застигнутый врасплох Лакс ошалело моргнул и просиял дурной от счастья улыбкой. Я вылезла из фургончика, а он так и вовсе почти вылетел следом, словно обрел талант к левитации или позаимствовал крылья у сильфа.

Наводчик Фаль определил верно. Кейр как раз раскладывал по мискам исходящую паром кашу из походного котелка. Практичный телохранитель не терял времени даром. Оставив Гиза надзирать за нами, чтобы магеvu снова не украли, мужчина успел смотаться в ближайшую харчевню и притаранить съестного на всю компанию. Причем обзавелся он не только кашей, но и парой кувшинов с холодным ягодником. После впечатляющего ритуала отрезвления Кейр решил не рисковать и не соваться к магеvu под нос с вином или пивом.

Несколько березовых чурбаков, сваленных между фургонами, идеально заменили стол и лавки. Поесть на свежем воздухе, не толкаясь в духоте, полумраке и антисанитарии кабака, показалось блестящей идеей. А может быть, сейчас любая пришедшая в голову благоглупость показалась бы мне таковой. Ведь я вернулась туда, куда стремилась всей душой, рядом снова были друзья, я могла творить магию и наслаждаться жизнью.

– Кейр, пахнет умопомрачительно! Однако перед едой следует не только мыть руки во избежание кишечных инфекций, но и исполнять обещания. Это я о том, чтобы дать тебе возможность видеть нашего замечательного сильфа, – с повышенным трудовым энтузиазмом, следствием длительного воздержания от эффективных магических действий, заявила я. – Какое заклятие рисовать, уже знаю, давай подумаем, на чем его изобразить. Скажи, который из предметов ты носишь регулярно всего, желательнее постоянно?

– Мечи, – не задумываясь ни на секунду, ответил воин.

– Что, и спишь с ними?! – восхитился Лакс то ли доблестью, то ли извращенными пристрастиями приятеля.

– Эй, Кейр, а ничего поменьше и попроще не найдется? – осторожно уточнила я. – Насколько знаю, мечи в вашем понимании не просто железки с острой кромкой. Они предметы особенные, почти одухотворенные, созданные с четкой целью. Не уверена, что этот изначальный импульс не исказит мои чары.

– Если только моя бляха траверской Лиги телохранителей, – пожал плечами мужчина и вытащил из-под рубашки потемневший от длительной носки на теле металлический кругляш с какой-то эмблемой из букв и скрещенных мечей.

Я протянула руку и перевернула теплый значок. Ур-р-ра! Сзади на нем ничего декоративного не начеканили, а значит, можно было использовать свободное пространство по своему усмотрению.

– Подойдет! Сымай! – скомандовала и залезла в сумку, приговаривая: – Так, ручка и карандаш нам не подойдут, легко сотрется. Где-то тут у меня иголка завалялась, попробуем ею нацарапать.

– Может, тебе шило дать? Подойдет? – предложил Кейр, подозрительно наблюдавший за моими манипуляциями. Но, видать, не слишком сильно он переживал за целостность и неприкосновенность бляхи-удостоверения.

Да уж, металл все-таки понадежней бумаги. Такой документ сложно испортить безвозвратно. Я вот до сих пор помню, как едва не рыдала Маришка Семенчикова, когда ее малолетняя племянница, оставленная погостить на выходные, «поиграла» с «красной книжицей» тетушки. Документик пришлось менять. В паспортном столе угорали, разглядывая художества малышки, заполучившей в шаловливые ручонки яркий зеленый фломастер, но на ускорение работы чиновников это никоим образом не повлияло. Так что за новым документом Марише пришлось изрядно побегать.

– Шило – это супер! Шило – это пять! Какой ты хозяйственный! – восхитилась я. – Знаешь, если б ты не был моим телохранителем, непременно постаралась бы выйти за тебя замуж, чтобы такое сокровище всегда было под рукой!

Кейр, ничуть не поверивший в мои матримониальные планы, усмехнулся, оскалился Гиз, захихикал Фаль, улыбнулся и Лакс, правда, несколько натянуто, что-то в этой шутке ему пришлось не по нраву.

Я положила бляху на широкий растрескавшийся чурбак, немного потеснила миски с кашей, источающие соблазнительное благоухание. словно древний грек стило, взяла шило и быстро нацарапала на мягком металле три значка. Знак зрения, тайного знания и магии: *кано, перто, лагу*. По моей задумке это сочетание должно было в буквальном смысле открыть Кейру глаза на проделки, вытворяемые у него под носом всякими маленькими сильфами с большим аппетитом. Вот сейчас, например, малыш покинул мое плечо, чтобы порыбачить: он выуживал из каши особенно приглянувшийся кусок мяса размером с треть собственного росточка.

Проговорив имена рун вслух, полюбовалась мягким голубоватым свечением, охватившим композицию из трех знаков, вернула бляху владельцу и провозгласила:

– Готово, принимай работу!

Кейр осторожно, будто я, террористка-шахидка, вместо бляхи вернула ему миниатюрную атомную бомбу, просунул голову через цепочку и опустил предмет на грудь. Ничего не взорвалось, не прожгло лазером тело. Секьюрити тайком перевел дух и только потом сосредоточился на проверке. Поморгал, будто в глаза сыпанули песка, потряс головой, снова поморгал. Любопытный Лакс не выдержал первым и выпалил, подавшись вперед:

– Ну чего видишь?

– Тебя, загораживающего весь обзор, – хмыкнул Кейр.

– А меня? – проделав с ветчиной трюк шпагоглотателей или удавов, заинтересовался Фаль.

– Тебя тоже вижу, сильф, – удивленно согласился телохранитель, вылупившись на нашего красавца мотылька, – и слышу. Это магева постаралась или ты снова чего ворожишь?

– Это магия Осы, – заверил мужчину Фаль, перелетел к нему на колено и стал нахально прохаживаться взад-вперед, наверное, затем, чтобы человек хорошенько рассмотрел уникального сильфа во всем великолепии.

– До чего здорово, – с тихим восхищением пробормотал телохранитель, деловито изучая окрестности. – Я теперь любую магию вижу! И на Гизе вот несколько вещичек заколдованных проблескивают, а ты сама, магева, искришься, аж смотреть больно.

– Значит, ты теперь у нас вместо рентгена будешь, – оповестила мужчину. – Как чего подозрительным покажется, станешь изучать и докладывать.

– А ты разве не видишь сама? – удивился Кейр, погладив подбородок.

– Полагаю, если сосредоточусь, тоже смогу, специально не пробовала. А амулетами обвешиваться не хочу, составление заклинаний – искусство тонкое, лишние помехи только во вред пойдут, – с апломбом единственного специалиста заявила я.

– Если бы у тебя такое зрение было, ты бы могла сразу Гиза раскусить! – наставительно заметил телохранитель.

– Раньше, позже, какая разница, ему на роду было написано войти в нашу компанию, – беспечно пожала плечами, придвигая к себе персональную миску эльфийского производства и вооружаясь ложкой.

– Почему же? – в ироничном удивлении выгнул бровь киллер, даже ложку отложил, демонстрируя сосредоточенное желание услышать ответ.

– Так ты же рыжий, специально создан для нашего маленького общества! – рассмеялась я и, потянувшись через стол-чурбак, погладила Гиза по темно-рыжим волосам. На ощупь они оказались не мягким шелком, как у Лакса, а, скорее, мехом. Только в полной мере насладиться чудесным тактильным ощущением мне не дали. Гиз резко отшатнулся, уходя из-под «обстрела». Он зыркнул на меня как дикий зверь, подозрительным, загнанным взглядом, и с каким-то маниакальным упорством заметил:

– Я не успел убить тебя лишь случайно.

– Вся наша жизнь – череда случайностей, – снова пожала плечами, не реагируя на тщетные попытки Гиза сохранить между нами дистанцию и роли: жертва обстоятельств, обреченная на служение, – магева, принимающая службу. – Тебе не удастся меня запугать, как ни старайся, телохранитель. Я вообще мало чего боюсь в этом мире и верю, что случайности каждому выпадают свои, сообразно с тем, кто и чего хочет.

– Ты думаешь, я желал быть сторожевым псом при колдунье? Всех богов молил? – рыкнул телохранитель, проявляя характер. – Или ты желала занять в охранники убийцу?

– Знаешь поговорку о том, что богам лучше не молиться, потому как они дают не то, чего мы хотим, а то, о чем просим? – рассудительно заметила, помешивая кашу ложкой. Чем сильнее ярился мужчина, тем спокойнее становилось мне. – Очень правильное изречение. Вот так же и с личными желаниями. Получаешь не то, о чем думаешь, а то, чего хочешь воистину.

– От таких рассуждений башка треснуть может, – фыркнул Лакс. Вор не выдержал и после длительной пьяно-жидкостной диеты принялся уписывать кашу с возрожденным аппетитом.

– Это хорошо, коль треснет. Тогда в нее снаружи сможет втечь хоть капелька мозгов, – наставительно заметила и тоже сунула в рот первую ложку. Фаль, будто по сигналу трубы, спикировал к моей тарелке и присоединился к трапезе.

– Отлично сказано! – заржал Кейр, звучно хлопнув по колену ладонью.

– Не мной. Эта фраза принадлежит перу знаменитого писателя Редьярда Киплинга, – не стала приписывать себе чужих заслуг. – Очень талантливый писатель и поэт был. Как-нибудь, под настроение, почитаю вам его стихи. Мощная штука! Особенно «If», то бишь «Если», о том, каким должен быть настоящий человек. Аж до костей пробирает и душу перетряхивает без всякой магии, кроме магии слова! А пока давайте кушать!

Исходящая аппетитным парком миска уместилась у меня на коленях, кружка с ягодником пристроилась рядом на чурбаке, и мы с Фалем, как в добрые старые времена, начали уписывать еду из одной тары на двоих. Спину приятно пригревало солнышко, взгляд лениво скользил по ясному небу с барашками облачков, по фургонам, задникам пестро-полосатых шатров и редким фигурам хлопочущих по хозяйству людей. За обедом разговор плавно потек дальше.

– Балаганщики еще не являлись делегацией с требованием отработать аванс? – облизывая ложку, осведомилась у общества.

– А чего им, бродягам, делается, вон сколько лет ждали, так и еще денек-другой подождут, – невозмутимо пожал плечами Кейр. – Ты же сдержишь слово!

– Да уж, недаром Бог предостерегает от клятв, – потеряла я нос. – Брякнуть чего-то куда проще, чем исполнить.

– Это ты про какого бога? – уточнил Лакс.

– Из моих краев. Среди десяти заповедей, данных людям, проскальзывал призыв «не клянитесь», – промычала, отправив в рот следующую порцию каши, и деловито уточнила: – Ну раз балаганщики ждут, значит, успеем еще слопать десерт. Где мой пакет?

– С рожей утопленной синей девки? – уточнил Кейр, вытягивая откуда-то из-за спины требуемое и морщась от звучного шуршания.

– Он самый. Там обещанный Фалю сюрприз, – таинственно улыбнулась я и в свою очередь захрустела пакетом. Взбудораженный новостью сильф запрыгал на месте, нетерпеливо встряхивая крылышками и вытягиваясь на носочках, словно делал утреннюю зарядку под радио. – Полагаю, понемногу хватит на всех. Если, конечно, Фаль поделится.

На подвижной мордочке сильфа отразилась вся гамма чувств: жадность боролась с благородным стремлением поделиться с друзьями. Последнее, пусть с трудом и не без кровопролитных боев, победило. Исторгнув из глубин души трагический вздох, Фаль согласился:

– Поделюсь. А чего там?

– Сладости из моей страны, – пояснила, выложив печенье и конфеты на чурбак. – Угощайтесь, парни, не отравлено! Печенье и шоколадные конфеты, здесь я таких не пробовала. Называются «трюфели»!

Мужчины разобрали по печеньюшке, Фаль с разгону прыгнул на самое большое печенье, обхватил его всеми конечностями и впился зубками в мягкий, чуть похрустывающий светло-коричневый бочок лакомства. Зачавкал, умудряясь каким-то образом еще и урчать от удовольствия.

– Вкусно, немного на нашу ореховую пастилу похоже, – резюмировал Кейр.

– Пахнет и отдает миндалем, – не без ностальгии просветил напарника Гиз, уминая угощение. – Орех в ваших краях не растет.

– У нас его тоже нет, слишком теплолюбив, возят из других мест, – заметила я. – Стоит, сволочь, дороговато, конечно, но иногда очень хочется себя побаловать.

– Жаль, что на Хавале не растет, – хором согласились самые восторженные дегустаторы – Лакс с Фалем – и практически одновременно потянулись к конфетам. Я едва успела предупредить сильфа, сделавшего стойку на ближайший трюфель: «Обертку не едят!» А то бог его знает, что могло приключиться с мотыльком, слопай он бумажный фантик. От целлюлозы, конечно, еще никто не помирал, но ведь там еще всякие красители и прочая иномирно-техническая дрянь. Компания с интересом естествоиспытателей наблюдала за крылатым малышом, видно, решила назначить его временно исполняющим обязанности придворного отве-дывателя.

Разворошив коричнево-золотистый фантик, сильф осторожно обнюхал конфету, чихнул, когда порошок какао забился в нос, лизнул и возмущенно зазвенел, обманутый в лучших чувствах:

– Горько!

– Это обсыпка горчит, ты саму конфету откуси, она сладкая, – сдерживая смех, посоветовала неопытному сладкоежке.

Фаль послушался, отхватил макушку трюфеля и, прижав конфетку к груди, как потерянное дитя, мигом запел по-другому:

– Вкусно-о-о!!! Если б я уже не пообещал делиться, все бы сам съел! Оса, а сколько тут моих тюфелей?

– Я отдам тебе свои, значит, еще четыре трюфеля, если делить на пятерых, – посчитав общее число конфет, сказала, бросив задумчивый взгляд на Дэлькора. Конь уже давно перестал слоняться вокруг да около, подошел и лег сзади, то ли карауля, то ли просто наслаждаясь моим обществом. Нет, коню все-таки сладости не положены.

– Как мало, – закручинился сильф и посоветовал: – Ты в следующий раз побольше принеси!

– Непременно, – весьма кисло отозвалась я, настроение мигом гвазданулось с небесных вершин в какую-то глубокую расщелину, не захватив с собой троса-страховки. – Хотя, если тут кого-то интересует мое мнение, я бы не желала снова оказаться запертой вдали от вас в полной, так сказать, безопасности, даже ради всех трюфелей и миндаля в мире.

– Ой, прости, это я не подумавши сказал, Оса! Ты мне свою долю отдала, а я такое... – запричитал Фаль и, как был с куском конфеты в руках, взлетел ко мне на плечо, пылко обнял, заискивающе затрепетал крылышками, размазывая по шее липкий шоколад.

Получив мое торопливое прощение (хотела бы шоколадных обертываний, накопила бы на спа-салон!), сильф аккуратно слизнул все лакомство и со своих ладошек, и с моей кожи – не пропадать же добру! – и умиротворенно принялся за вторую трюфелину.

– Ты избранная, служительница. Силы никогда не оставят тебя в покое, – коротко и очень уверенно заявил Гиз.

– Похоже, ты мафиози, самый эрудированный из нас по этой части. Видать, много учился без отрыва от производства. Не просветишь веников неграмотных, о чем вообще речь идет? – почти потребовала я.

– Служители непохожи на обычных жрецов или посланников богов, они несут в себе не частицу божественного дара-благословения, а нечто иное. Через них воплощается Закон равновесия, единый для всех созданий. Я слышал, иногда само присутствие служителя восстанавливает нарушенный баланс, он обладает талантом чувствовать и поступать таким образом, чтобы соблюсти равновесие. К голосу служителя невозможно не прислушаться. Дар убеждения дан ему самим Творцом, – промолвил Гиз совершенно серьезно, будто не байки травил, а что-то типа параграфа Конституции излагал. – Такие люди не появлялись уже очень и очень давно, поэтому, наверное, я не смог сразу поверить в твое предназначение, хоть и почувствовал необычность.

– Да какая избранность, у меня просто хорошо подвешен язык, – отмахнулась, неожиданно заупрямившись, и занялась раскладыванием трюфелей на равные кучки, пока Фаль в гурманском экстазе не слопал все, позабыв о дележке.

– Нет, магева, не просто. Я знаю о тебе достаточно, чтобы сказать: ты – служительница, – почти торжественно повторил упрямый киллер. – Но даже если бы не было твоих весьма шумевших эскапад в Патере и Мидане, все равно. Силы неспособны ошибиться с выбором, а коль они назвали тебя служительницей, так оно и есть. Признали они, признают и все другие.

Фаль, Лакс и Кейр согласно закивали, проявляя удивительную предательскую солидарность.

– Допустим, – мрачно согласилась я, оставшись без поддержки масс и против воли припоминая, как легко и просто удавалось мне убеждать и переубеждать народ в здешних краях. Без магии тут точно не обошлось. – Но я все равно не собираюсь никому прислуживать и не позволю обращаться с собой словно с чемоданом без ручки.

– Это как? – удивился Кейр, задумчиво повертев трюфель.

– Элементарно, Ватсон, нести тяжело, выбросить жалко, – огрызнулась, доведенная до состояния агрессии насильственными переходами из мира в мир. – Я, конечно, благодарна Силам за то, что сюда в первый раз попала и что жизнь мою они спасли, когда Гиз прикончить собрался, но я свободна и таковой собираюсь остаться. А коли они от меня, по вашему, просто так не отмотаются, значит, придумаю какое-нибудь заклятие и спрячусь под его покровом, вон хотя бы как вас из Патера выводила.

– Вряд ли заклятия помогут, если только из Черного озера проклятий напиток, – коротко усмехнулся Лакс, целиком засовывая в рот свой трюфель. И почему мужчины всегда так поступают? Вот женщина обязательно бы надкусила, проверила, что внутри, вдруг начинка интересная, а эти обормоты сразу в рот и побольше, никакого понятия о вкусе.

– А что это за мрачная фигня? – всерьез заинтересовалась я.

– Да это просто сказка, мне мать в детстве рассказывала, – с некоторым смущением отозвался вор. – Будто есть в горах Нидранга укромная долина, а в ней Черное озеро. Оно из слез темного бога Гильдраэльдина образовалось после того, как погибла его возлюбленная эльфийка Лучиаль, жрица Ильдиарэли. Гильдраэльдин проклял всех Высших, имеющих власть над судьбами смертных. Кто отопьет из Черного озера три глотка воды, того ни боги, ни Силы больше не увидят и помочь ни в чем не смогут.

– Страшно, аж жуть! – демонстративно покивала неустрашимая я. – Жаль только, что сказка. Хлебнула бы этой водицы! Глядишь, и жизнь бы наладилась, как только в нее всякие посторонние личности с неограниченными полномочиями лезть перестали бы!

– Я точно такую историю слышал, только боги не эльфийские, а наши были: Тулкар и Аильда, а смертная звалась Кариэна, – удивленно вставил Кейр.

– Легенды разных народов часто схожи, – нейтрально уронил Гиз.

А то я этого не знаю! Вот рассказ о великом потопе в каждой религии на Земле встречается, правда, причины глобальной катастрофы разные называют, да со способами выживания и личностями спасшихся тоже разброс имеется. Но ведь иначе и быть не может. Вот даже синоптики, к мифотворчеству непричастные, если не считать постоянного вранья насчет прогнозируемой погоды, до сих пор к единому мнению прийти не могут: глобальное у нас потепление начинается или глобальное похолодание?

– Ладно, я над этим подумаю, – решила и потянулась к кувшину с местным морсом, запить все неприятные размышления. – В первый-то раз Силы далеко не сразу кинулись меня искать, полагаю, немного времени еще есть. А пока на повестке дня ужин и балаганщички. Аванс надо отрабатывать!

Глава 4

Балаганная магия

Прихлебывая кисленький морс и заедая его печеньем (почему-то всегда обожала сочетание соленого или кислого со сладким!), принялась машинально чертить в мягкой пыли под ногами руны, используя в качестве инструмента подобранную с земли щепку. Обдумывание содержания заклęcia с использованием мускульной памяти шло довольно споро, у меня всегда так получалось, еще с той поры, когда сочинения в школе писать садилась. Вроде нет ни единой заваливающей мыслишки, а за стол сядешь, ручку возьмешь, начнешь предложения одно к другому нанизывать, сама не заметишь, как положенные три листа накатала.

Сейчас требовалось сварганить довольно сложную комбинацию рун с определенной целью. Немалую часть времени я потратила на то, чтобы решить: а какое именно заклęcie потребно балаганщикам? Можно было бы сотворить разовые чары, способные изгнать из кукол негативные сущности, досаждавшие людям, но где гарантия, что на освободившееся место не придут новые твари? И тут меня молнией пронзила идея! Я закусила губу и принялась быстро-быстро, пока мысль не убежала или не затерялась среди «товарок», набрасывать черновик заклęcia.

Первая красавица-руна, составленная из трех, воплотила в себя самую суть балаганщиков – кочевого народа, которому дорога была единственным домом, к символу пути прибавила призыв о помощи. *Одаль, райдо* и *альгиз* смотрелись просто великолепно! Следом за ними я нарисовала руну ключа и комбинацию знаков, отвращающих зло. Да, пожалуй, в таком виде заклęcie должно было служить не только для изгнания тварей, но и для защиты. Я подправила последнюю руну в ряду и улыбнулась: «Какая молодец!» Похвалить саму себя – святое дело! Завершающий штрих – обвела композицию руной *ингус* для синтеза энергий и ойкнула. Через руку со щепкой словно прошел разряд тока, на секунду помутилось в глазах, земля качнулась. Не сиди я крепко на чурбаке, непременно грохнулась бы в пыль, прямо на рунный черновик, беспардонно измарав обновки. Справа забористо выругался Лакс, слева, у самого уха, восторженно взвизгнул Фаль.

– Золотые волны, как круги по воде! – восхищенно описал сильф то, что увидел, нарекая вокруг моей головы круги почета. – А еще раз так можешь сделать?! А? Вот бы посмотреть!

– Что ты учудила? – не то потрясенно, не то испуганно спросил осторожный Кейр.

– Всего-навсего рассуждала, как колдовать для балаганщиков! – попыталась оправдаться я, почесала нос и смущенно пожаловалась: – Ну кто же знал, что руны сразу начнут действовать? Я только черновой набросок делала!

– Вероятно, руны об этом не знали, – подколот меня Лакс с прежней жизнерадостностью и подмигнул.

– Н-да, задачка, – пожала плечами. – Интересно, какое действие оказала магия? Я же комбинацию рун не успела на каком-нибудь конкретном предмете изобразить, хотя адресацию-то в начале заклęcia обозначила и в голове держала...

– Полагаю, скоро узнаешь, – оптимистично предположил бывший палач, старательно разглаживая фантик от иномирной конфетки (кажется, он намеревался спрятать его на память!), и не без сожаления прибавил: – Твои фокусы тишком не проходят.

– Будем прятать магеvu? – посоветовался Гиз, словно бы невзначай осматривая окрестности, может, уже готовился ко вражеской атаке.

– Нет, это лишнее, – покачал головой Кейр и резюмировал, делаясь с коллегой печальным опытом: – Она все равно спокойно не усидит.

– Ничего плохого в сочетании рун не было. Я создавала хорошее защитное заклятие! И вообще, один Фаль меня любит и ценит! Одного его моя магия восхищает и радует! – оскорбленно насупилась и уткнула нос в кружку с морсом.

Показав мужчинам язык, гордый своей исключительностью Фаль снова пристроился у меня на плече, напевая под нос что-то оптимистичное, кажется, какую-то задорную похабелю, с которой нас весьма широко познакомил Гиз, имитируя Герга Птицу. Впрочем, самодовольной гордости сильфу надолго не хватило. Он поерзал и стеснительно прозвенел мне в самое ухо:

– Оса, а ты меня больше всех любишь?

– Больше, меньше... – Я против воли заулыбалась. – Фаль, симпатия не товар. На вес или в длину ее не измеришь, но скажу совершенно точно: так, как тебя, я никого не люблю. Ты мой уникальный дружок, а значит, любовь моя тоже особенная.

– Это хорошо... – секунду подумав, умиротворенно засопел сильф. – Я тебя тоже особенно люблю!

Пока мы с малышом признавались друг другу в высоких чувствах, Кейр закончил прислушиваться, приглядываться, принюхиваться к окрестностям и признал:

– По крайней мере, пока с дубьем не бегут и ничего не горит.

– Опять подозрения! – возмутилась я и с чувством стукнула полупустой кружкой по чурбаку. – Стоило спалить парочку убийц, так теперь ты меня всю жизнь попрекать будешь?!

– Семь, их было семь, – педантично напомнил телохранитель и бросил весьма многозначительный взгляд на Гиза, дескать, имей в виду, парень, как кончают вороги, пошедшие супротив нашей магеvy. Лакс на мгновение посмурился, вспомнив, что мы едва не расстались с жизнями под мечами беспринципных морианских наемников, не чтящих повсеместно принятой магевской неприкосновенности.

– На моем счету вообще-то было четыре, остальные – ваша работа! А впрочем, одним больше, одним меньше, какая, на фиг, разница? Кроме того, мои действия с точки зрения Уголовного кодекса трактуются как необходимая самооборона! И даже о превышении речи не идет! Кто с мечом к нам придет, тот от огня и скопытится! – с апломбом заявила я, сообразив, что Кейр прикалывается над магевой со свойственным ему невозмутимо-мрачноватым юморком. – А сейчас обороняться не планировала, даже шашлык готовить не собиралась, значит, пожаров можешь не опасаться. Или на самом деле ты у нас сам скрытый пироман и только ждешь, чтобы я чего-нибудь подпалила? Так скажи, ради тебя расстараясь! – предложила я и закончила: – А если серьезно, каюсь, поняла, что сваляла дурочку с воплощением заклятия, впредь все наброски буду делать мысленно. Наглядность в магии не всегда действует правильно. Поэтому хватит меня пинать, лучше дай еще ягодника!

Телохранитель улыбнулся и передал мне кувшин с морсом. По молчаливой договоренности мы прекратили обсуждение не прибавляющих аппетита живодерских тем и вернулись к трапезе. Мужчины быстро прикончили остатки конфет, а потом занялись пышными булками, прихваченными из трактира. Под морс сдоба с орехами и творогом пошла замечательно. Даже я съела целых две ватрушки-мутанта и как раз обдумывала, не взять ли третью, когда Гиз и Кейр синхронно, будто нарочно тренировались, оставили кружки и развернулись в юго-западном направлении. Из-за фургонов показалась щупленькая, несмотря на обилие палантинов, юбок, бус и браслетов, фигурка. Сухоньякая старушка шествовала не спеша, со столь гордым достоинством, что ему позавидовали бы английская королева и Людовик-солнце вместе взятые. Двигалась она напрямиком к нам, опираясь на трость.

– Чего-то редкое в лесе сдохло. Матиасса, и не на носилках, – пораженно выдохнула я, не представлявшая, как это старушенция – матриархиня балаганщиков – будет шастать по ярмарке на своих двоих.

– Вокруг тебя кто хочешь забегает, – хмыкнул Лакс.

– Вот как? Я чего-то не пойму, это ты мне комплимент делаешь или оскорбляешь? Если последнее, так я тебе еще кувшинчик ледяной водицы наколдую! – пригрозила нарочито сурово.

– Комплимент, комплимент! – поторопился уверить вор, боязливо морщась. Нет, этот парень решительно не хотел вступать на путь почитателей Порфирия Иванова. Неженка!

Между тем почтенная дама добралась до нашего скромного бивуака, развеяв последние смутные надежды на то, что ее выход в свет не имеет к нам никакого отношения, так, погулять вышла, для аппетита. Лакс мгновенно вскочил, с галантным полупоклоном поспешив уступить пожилой женщине место. Старушенция кивнула ему и опустилась на чурбак, как на трон. Яркие, удивительно молодые, светящиеся требовательным интересом глаза уставились на меня в упор.

– Магева! Ты исполнила предназначенное!

«Так все-таки сработало?» – приободрилась я, почти приготовившаяся к нагоню от решительной бабки. Интересно только до ужаса как. Спрашивать, дабы не подрывать свой авторитет, я не стала, а то и впрямь навешает посохом, чтобы впредь была осмотрительнее. И ведь не вступится никто, не драться же телохранителям с немощной старушкой! Поэтому я только кивнула с самым глубокомысленным видом. «Не знаешь, что сказать, молчи, за умного сойдешь!» – мудрость, актуальная в любом из миров.

– Не думала, что такое под силу не божеству, но человеку! Ты щедро одарила весь наш народ! – торжественно изрекла Матиасса и подтвердила силу слов степенным кивком.

– А что она сделала-то? – Лакс, пристроившийся на длинном чурбаке рядом с Кейром, не утерпел и влез-таки с вопросом, волновавшим все наше общество, начиная от зашеко-тавшего всю мою шею сильфа, кончая Гизом. Но любопытным и чертовски обаятельным эльфам-полукровкам (вернее, четвертькровкам!) такие штучки всегда сходили с рук, не рассердилась и старая балаганщица.

– Магева даровала мастерам-кукольникам способность зреть и исторгать злые сущности своей волей! – гордо оповестила вора женщина. – Сейчас наши искусники проверяют кукол, всех, которые есть в балаганах.

«Ай да Пушкин! Ай да сукин сын! То есть славься, Ксюша! Славься, Ксюша! – в состоянии, близком к самодовольной оторопи, подумала я. – Так вот как сработало начертанное на земле заклятие! Оно не прогнало отвратительных подселенцев из игрушек, а дало балаганщикам возможность самим справляться с проблемой в силу необходимости и по мере ее возникновения. Дар магии через землю вошел в плоть людей! Идеальный вариант! Даже если бы я долго думала, все равно не смогла бы сотворить ничего более удачного!»

– Эх, – крикнул Кейр, оправив на груди перевязь (так иная девица в минуты душевного замешательства теребит кружева на блузе), и покосился на меня почти с уважением. Заработать такой взгляд от собственного телохранителя – дорогого стоит, ведь обычно чем ближе тебе человек, тем менее склонен восторгаться твоими поступками. Наверняка ведь те, что выносят ночные горшки за королями, ни в грош не ставят своих могущественных властелинов.

– Рада, что смогла помочь, – честно признала я. – Прости, не сделала этого сразу, вам пришлось ждать.

Старушка повела рукой, браслеты повелительно зазвенели. Покрепче обхватив темный резной набалдашник трости искореженными артритом пальцами, Матиасса произнесла:

– Мы благодарны тебе! Деньгами нашей признательности не измеришь, отныне в любой семье нашего народа ты, магева Оса, будешь почетной гостьей! Вечером начнем праздновать избавление, петь и танцевать в твою честь! Приходите все к большому шатру!

Честно говоря, мне не слишком хотелось участвовать в цыганско-цирковом мероприятии, посвященном первой дате избавления от страшных игрушек и восхвалению замечатель-

ной меня. С гораздо большим удовольствием я бы потрепалась до ночи с друзьями, утоляя тоску по их обществу, а потом, отвоевав себе тюфячок помягче, завалилась спать в фургоне среди наших вещей.

Интересно, храпит ли Гиз? Вообще-то коли он элитный киллер, то и во сне никакими посторонними звуками не должен выдавать своего присутствия, или, с другой стороны, должен шуметь так, чтобы любой, оказавшийся поблизости, не решился беспокоить существо, производящее зловещие звуки. Хорошо, если верным окажется первый вариант.

Кстати, я уже успела выяснить, что Лакс не храпит вовсе, легкое как ветерок дыхание, видно, досталось парню от родичей эльфов; Кейр негромко посапывает; а Фаль либо молчит, либо позванивает, словно маленький колокольчик. Кстати, ничего смешного в моих размышлениях не имелось! Тот, кто хоть раз в жизни попытался уснуть рядом с моей дорогой тетушкой, трубящей как буйнопомешанный слон, сразу оценил бы все прелести тишины. А был у меня еще один уникальный опыт по этой части.

До сих пор с ужасом вспоминаю одну ночь в гостинице, когда мне довелось разделить комнату с училкой истории. Добрейшей души, хрупкая, как былинка, дунь – рассыплется, женщина храпела мощнее стада слонopotамов и совершенно не желала просыпаться, сколько я ни цокала, ни чмокала и ни тыкала ее в бок. Так и пришлось, сграбастав белье, проситься на постой в соседний номер, к нашим девчонкам. На жестком диване и то спалось лучше!

Но мирные, практически домашние желания поболтать и поспать – это одно, а реальность, пусть даже реальность магическая, подчас совершенно другое. Реальность диктует свои правила поведения. Отказываться от приглашения было нельзя, если, конечно, я не собиралась вусмерть обидеть балаганщиков, растоптав, как слон маргаритки, их признательность.

– Спасибо, Матиасса, мы обязательно придем, только уж не взыщи, ненадолго, поутру хотели отправиться в дорогу, но прежде я должна посмотреть в огонь, – постаралась выкрутиться в стиле поговорки: «И на елочку влезть, и задницу не ободрать!» – припахав к делу веские магические доводы.

Матриархиня балаганщиков, как имеющая опыт прорицания, кивнула мне:

– Твоя стезя извилиста и сложна, магева. Мой дар невелик, но опыт более чем в восемь десятков лет чего-то стоит. Я обычно смотрю на воду, коль пожелаешь, мы сегодня попробуем пронзить ее гладь вместе.

«Да, хотели как лучше, а получилось как всегда!» – мысленно почесала в затылке. Вообще-то я не собиралась гадать ни по воде, ни по огню, ни по земле, даже по облакам не хотела, просто показалось, что придумала удачную отмазку от банкета, но, может, и правда стоит воспользоваться неожиданной халявой и посмотреть, чего мне напророчит пожилая провидица. В отличие от Лакса я, кажется, умела фильтровать видения и, хотя особенного опыта в их толковании не имела, в экстренных случаях могла правильно применять выдаваемые перед игрой «подсказки».

– Пожелаю, – решительно согласилась с предложением Матиассы.

Наш самый вежливый Лакс отправился провожать старушку до дому, до хаты, наверное желая искупить длительный запой. Во всяком случае, я надеялась, что парень не собирается мстить бабке за некорректное пророчество, тыкать по голове ее же тросточкой и прикапывать где-нибудь в теньке под фургончиком, пока балаганщики готовятся к массовым гуляньям.

Так что через пару часиков наша компания уже сидела на тюфяках и скамьях в большом шатре, в обществе балаганной элиты, обряженной в свои лучшие, а следовательно, самые пестрые, звенящие, снабженные избытком ювелирных изделий одеяния. С шутками и смехом обносили народ едой и напитками белозубые красавицы. Женщины сверкали огнен-

ными взорами, яркими улыбками и такими низким вырезами на тонких блузах и платьях, что они, казалось, начинались от пояса. На меня невольно повеяло призраком стриптиза.

Через поднятую и прихваченную яркими лентами стену шатра открывался замечательный вид на массовое гулянье, чем-то напоминающее смесь парада-алле и бразильского карнавала. Фургоны и шатры сдвинули громадным кругом, освободив изрядное пространство для колоритного действа. Все пили и пели песни (причем сразу штук пять разных и очень громко!), играла музыка, танцевали, наверное, дюжину танцев разом, мельтешили красочными бабочками, показывали фокусы и трюки не для кого-то и не за деньги, а просто так, потому что просила душа, широкая, как чудный в любую погоду Днепр, душа балаганщика. Было здорово, и никаких патетических речей и тостов не произносили, чего я, признаться, весьма опасалась.

Ну, не люблю тосты, слишком заезженно они звучат. Побываешь на трех – пяти попойках-праздниках (особенно старшего поколения!) и, кажется, знаешь все наизусть: за дам (присутствующих, отсутствующих, прекрасных!), за здоровье (всех и каждого!), за родных, близких, друзей! Ладно в прозе, гораздо хуже, если тосты произносят в скверных и тоже кочующих с одного праздника на другой стихах, и почему-то чем сквернее стихи, тем чаще их цитируют. Сама-то я старалась расцветить пресное однообразие родственных посиделок спичами собственного сочинения, но, признаться, успех имела относительный, то ли меня чувство юмора подводило, то ли у старших родичей оно малость заплесневело без применения. А вот друзьям и приятельницам нравилось.

Очень скоро веселье вошло в коронную стадию, народ с «танцпола» вломился в шатер и принялся вытаскивать «предводителей» на музыкальную разминку. Досталось и телохранителям, и Лаксу. Их совершенно бесцеремонно схватили и увлекли в хоровод. Вор, трепыхавшийся в прелестных лапках парочки фигуристых высоких красоток, попытался вырваться, виновато покосился на меня, но тщетно. Не драться же с женщинами, твердо решившими «танцевать мужчину»! Белобрысая макушка парня исчезла в цветном водовороте. Я мысленно щелкнула себя по носу: «Эх ты, магева, самой надо было с Лаксом отплясывать, а ты все колебалась вместе с линией, теперь-то ревновать поздно! Пусть парень чуток развлечется, отойдет от стресса последних дней».

Краем глаза уловила движение чуть сзади, слева от себя, и поразились: на тюфяк присаживался Гиз. Мое мнение о телохранителе мигом поднялось на несколько пунктов. Улизнуть от темпераментных балаганных девиц, не вызвав волны негодования, не спровоцировав преследования и не оставив позади себя горы трупов, во всяком случае, видимой горы... Да, Тэдра Номус рулит! Вот это класс!

– Чего вернулся? Вряд ли меня захотят придушить или зарезать прямо здесь и сейчас, расслабься, – насмешливо посоветовала мужчине.

– Расслабься сама, а с тем, как, когда и где мне стоит делать свою работу, я разберусь сам, магева, – вернул ироническую насмешку Гиз.

– Тебе такая обстановка кажется подходящей для покушения? – с интересом спросила, повернувшись всем корпусом к телохранителю.

– Мне – нет, – качнул головой киллер. – Предпочитаю смотреть в глаза достойному противнику, но многие работают иначе.

– Кому-то важнее процесс, кому-то конечный результат, – понимающе кивнула я.

– Именно, – с легким проблеском удивления по поводу столь глубокого проникновения в сугубо специфическую тему согласился мужчина. Ему было невдомек, что собеседница делает выводы не столько на основе глубокого понимания жизни, сколько цитируя знаменитый фривольный анекдот про поручика Ржевского с коронной фразой: «Но сам процесс!»

– Ну ладно, охраняй, больше не буду мешать, – стащив с ближайшей тарелки кусочек лакомства, весьма напоминающего наш «хворост», с хрустом пообещала я и снова усталилась на пеструю круговерть.

Мне всегда равно нравилось и кидаться в веселую суматоху очертя головой, и наблюдать за ней откуда-то со стороны. Люди часто бывают такими смешными. Хотя, может, стоило бы присоединиться к празднованию, пригласить на танец пару-тройку самых симпатичных кавалеров из местных. Магеве точно не откажут! Вот тогда Лакс-изменщик пожалеет, что сам меня не пригласил! Вот даже сильф, устав кувыряться по тарелкам, со счастливым гиканьем нырнул в гущу народа – порастрясти туго набитый животик.

Я покосилась на поредевший «почетный президиум» шатра. Многие не утерпели и ринулись развлекаться, но старая пророчица сидела прямо и милостиво взирала на развлекающийся люд, как смотрит сытая кошка на резвящихся вокруг нее котят. Поймав мой взгляд, Матиасса коротко повела головой в сторону задника шатра, там цветастый ковер прикрывал проход во внутреннюю, закрытую от любопытных глаз часть. Похоже, настал час «забавы» для избранных. Старуха приглашала меня удалиться с праздника жизни и заняться делами, которые, собственно, я сама себе навязала. Проклятие на болтливый язык! Впрочем, упиралась я больше для вида, неистребимое любопытство всеми конечностями приветствовало означенное колдовское действие. Я и своей-то магии не уставала удивляться, что же говорить о чужой.

Ответив на приглашение заговорщицкой улыбкой, поднялась вслед за старой дамой:

– Гиз, ты тут бди по-прежнему, а я пошла, чуток поколдую. У меня семинар по обмену опытом. Посторонним на него вход воспрещен! Если вернется Лакс, можешь передать, что магеву похитил черноокий красавец-балаганщик с зубами белее, чем у Дэлькора, нет, меня похитили два балаганщика!

– Непременно. – Лукавый огонек сверкнул в глазах киллера.

Я подмигнула телохранителю и юркнула за старой Матиассой под приподнятый полог ковра. Из освещенного обилием факелов широкого пространства мы попали в тесный полумрак. Остановившись, принюхалась, поморгала, привыкая к освещению. Пахло смесью сухих трав, благовоний, деревом и тканями, никакого кислого привкуса затхлости и сырости, присущих старикам, не было.

Балаганщица, двигаясь экономно и четко, привычно для пожилых людей, берегущих убывающие силы, зажгла одну за другой три лампы: две в разных углах и одну сверху, в центре шатра. Приятные мягкие тени легли на подушки, ковры, платки и покрывала, устилающие пол и стены помещения. Там, где не лежало чего-то красиво-фактурного, неуловимо напоминающего смесь цыганских мотивов, индейской этники и эльфийских узоров, располагались шкатулки, ящички, мешочки, бутылочки на низких полках или прямо в неких подобиях сеток-авосек, в изобилии заполнивших шатер. Все делалось с таким расчетом, чтобы старой хозяйке не пришлось далеко тянуться.

Зато единственный столик слева, выдвинутый почти на середину убежища Матиассы, был девственно-пуст, гладко отполирован и разве что не покрыт лаком. Старая дама подошла к нему, села на высокие и довольно жесткие с виду подушки, аккуратно отложила трость. Жестом указала на точно такую же кучку подушек рядом. Осторожно обогнув авоськи, добралась до точки назначения и села, подавив проказливое желание сложить руки на коленях подобно примерной девочке, сидящей перед классной дамой. По-прежнему молча балаганщица вытащила из-под стола большую широкую миску, едва-едва недотянувшую до почетного звания «таза», и кувшин. Щедро наполнила емкость прозрачной жидкостью, одинокая капля попала мне на губы, я машинально облизнулась. Обычная вода, никаких добавок, во всяком случае выявляемых на вкус.

Рядом с миской Матиасса водрузила некое загадочное сооружение, больше всего похожее на пепельницу-грот, виданный мною когда-то у дальних родственников. Помню, очень хотелось поиграть с этой штуковиной, но взрослые курили, и мечта так и осталась мечтой. Закончив монтаж сооружения размером с три моих кулака, старушка отцепила с пояса расшитый бисером мешочек и щедрой рукой сыпанула из него какого-то порошка внутрь «грота». Потом подобрала с правой полочки пару разнокалиберных камешков и сноровисто долбанула ими друг о друга, высекая искру. Порошок задымился, ноздри защекотал запах трав, становящийся с каждой секундой сильнее.

«Тогда понятно, какая это была трава, почему зайцы так рвались ее косить и почему они ничего не боялись! – почесывая отчаянно засвербевший нос, с усмешкой подумала я. – Если такими травками всерьез надыхаться, можно чего угодно в грядущем разглядеть и такого понапредсказывать, что и десятку Нострадамусов, помноженному на сотню бабушек Ванг, не снилось!»

Моей же визави дозы дурмана показалось маловато, она вытянула из коробочки справа длинную палочку, оказавшуюся чем-то вроде папироски, вставленной в потемневший от частого использования мундштук, прикурила и затянулась. Колечки дыма, выпущенные изо рта с привычным мастерством завязтой курильщицы, пахли еще более едко. Я украдкой чихнула в ладонь. Фу, не сказать, что пахнет неприятно, но дышать таким забористым воздухом долго не следует, а то поди разбери: то ли пророчество перед глазами, то ли обыкновенный глюк. Поскольку наркотиков я никогда не употребляла, спиртным не упивалась, отличить истинное видение от «белочки» вряд ли смогу с непривычки. Значит, пока еще чего-то сообщаю, пора приступать к процессу. Миска с водой есть, Матиасса себя до нужной кондиции догоняет, а мне чего для гадания нужно? Правильно, призвать силу рун.

– Не возражаешь, если я добавлю своей магии? – вежливо уточнила, чтобы ненароком не оскорбить какой-нибудь местный клановый обычай.

Балаганщица, не выпуская папироску изо рта, благосклонно кивнула. Причем глаза ее, не считая чуть расширившихся зрачков, были все такими же яркими и абсолютно трезвыми. Вот что значит практика! Я протянула указательный палец, обмакнула его в воду и одну за другой вывела на поверхности жидкости знаки истинного зрения, ключа и дороги в будущее. Наверное, травки все-таки начали оказывать на меня действие, поскольку каждую руну, вопреки всем физическим законам, я продолжала видеть проступающим на воде сияющим силуэтом. Причем яркость повышалась с каждой секундой, я даже не успела хорошенько зажмуриться, когда сетчатку обожгла inferнальная вспышка. А потом наступили темнота и тишина, слишком полная для коврового уголка шатра. В этих безмолвии и черноте послышался заунывный, исполненный неизбывной тоски собачий вой, потом раздалось что-то тяжелое, мучительное, хриплое дыхание и кашель, потом снова были только чернота, глубокая, как пещера, и шорох, тихий, будто кто-то скользил по камню. Следом хлынули пронзительная и холодная, как глоток из горного ручья, небесная голубизна, яркие мазки красного на темной зелени, и снова настала тьма, влажная тьма воды, а с нею тишь, в которой вспыхнули близкие звезды.

– Где эти козлы зубастые?! Я им все рога обломаю! – раздался отчаянно-задорный, гневный крик Лакса, и взметнувшийся край ковра прогнал все видения.

– Каких животных вы тут собрались отыскать, юноша? – Суховатый голос, исполненный ехидства, мгновенно вышиб из вора весь пыл.

– А-а-а? Ой! Извинит-те, – смутился мой друг и быстро-быстро попятился к выходу.

– Лакс, в чем дело? Какие козлы? Мы гадали на воде, – удивленно повторила я вопрос балаганщицы, еще не вполне отойдя от странного темного транса.

– Два натуральных козла, – в сердцах буркнул парень, отчаянно краснея и оправляя разорванный ворот праздничной рубахи, выбившейся из брюк. – Один – Гиз, потому что несет всякую чушь, а второй – я, потому что верю как последний дурень полной ерунде.

– Прости, магева. – Из-за спины Лакса показался козел номер один, имевший малость потрепанный и даже, вот диво, чуток виноватый вид. – Я ему твои слова предал, как просила, но остановить после мог, только убив или покалечив, уж больно эльф прыток. Мы сильно помешали гаданию?

– Не знаю, – честно ответила в некоторой оторопи. – Я что-то видела, но что именно, пока не поняла, в основном какая-то чернота и звуки. Показали бы мне что-нибудь еще, если бы процесс не прервался, не могу сказать. Матиасса, как ты думаешь?

Старая женщина задумчиво покрутила в зубах мундштук:

– Мы не разделили видений, магева. Каждый получил свою череду образов. Для меня была явлена дорога нашего племени: прошлое, настоящее, будущее – путь, уходящий далеко вперед. Никогда еще я не видела столь ясно и столь много. Пожалуй, следует сказать вам, мальчики, спасибо за вмешательство. Вряд ли мой дряхлый разум смог бы вместить больше. Но все равно любопытно, что же привело вас в мой шатер?

– Эгм, – откашлялся Лакс и заложил Гиза с потрохами.

Оказывается, наш драгоценный киллер-актер удосужился воспроизвести мою шуточку насчет пары чернооких красавцев-балаганщиков с зубами белее, чем у Дэлькора, с потрясающей достоверностью. Вот уж по ком плакал бы Станиславский! Конечно, вор тут же помчался выяснять, где это я и с кем уединилась, а какой-то добросердечный, изрядно податый гость праздника совершенно добровольно указал ему место.

Старая дама бросила сигарету на стол и расхохоталась, хлопнув себя по тощему бедру. Она смеялась до слез, заливисто, от всей души и так заразительно, что мужчины и я вместе с ними не выдержали и присоединились к веселью.

– Гляжу, магева, ты не только колдовать успеваешь! – отсмеявшись, хитро заметила Матиасса. – Двух таких красавчиков без магии в козлов превратила!

– Предлагаешь бросить ворожбу и заняться более прибыльным делом – животноводством? – окидывая парней придирчивым взглядом, задумчиво осведомилась я, чем вызвала новый приступ гомерического смеха.

– Нет, таким искусством многие женщины владеют, я и сама, бывало... – цокнула языком балаганщица, но, слава богу, в романтические воспоминания не ударились и продолжила уже серьезно, даже с каким-то фанатичным блеском в глазах: – Твой же истинный талант – великое сокровище для всего нашего мира! Ты как луч солнца, освещающий верный путь другим и разгоняющий смутные тени!..

– Смотрите не перехвалите, – поморщилась я от сильного чувства неловкости и встала с подушек.

– Разве людская молва имеет для тебя значение, магева? – тихо промолвила старуха и сама же ответила, отрицательно качнув головой.

– Я слушаю, что говорят другие мне и обо мне, во всяком случае, обыкновенно слушаю, – попыталась возразить ей, – правда, поступаю всегда так, как считаю нужным.

– Вот об этом я и говорю, – снова гордо кивнула Матиасса.

– Но ведь точно так же делает куча народа! – удивилась я.

– Все дело в том, какие именно поступки ты совершаешь и считаешь правильными. Такой выбор, чувство правильного, готовность действовать и возможность к свершению – редкость, – торжественно заключила пожилая провидица и скрестила на груди руки, показывая, что спор закончен и, сколько бы я ни вякала, она останется при своем мнении.

– Вот об этом и говорил, служительница, – шепнул на ухо Гиз, и я вздрогнула, не успев учуять, как мужчина сумел подкрасться так близко.

– Ну тебя на фиг, – огрызнулась нервно. – Ладно, Матиасса, спасибо за помощь в гадании, но теперь тебе надо о многом подумать после видений, да и я хотела бы обмозговать свои комиксы.

– Спасибо, магева. – Старушка осталась при своем твердом убеждении в моей уникальности, но, по крайней мере, не стала настаивать на совместном анализе полученной информации – и то хлеб.

Мы вынырнули из ароматных клубов дыма на относительно свежий воздух. Я задышала полной грудью, очищая легкие от дурман-травы и озираясь по сторонам. Ни Кейра, ни Фаля поблизости не наблюдалось. Первый наверняка отыскал себе бабенку с пышными формами и отправился праздновать в уголке поукромнее, а второй небось не мог уняться, пока не проинспектировал все закоулки площади и не продегустировал каждое блюдо, во всяком случае, каждое сладкое блюдо. Что ж, я уважала их выбор, зато сама могла нынче слинять с мероприятия на законных, многозначительных магевских основаниях.

– А что ты видела в этот раз на воде, Оса? – нетерпеливо, хоть и с кажущейся беспечностью, спросил Лакс, принимая вопрос о гадании весьма близко к сердцу.

Печальный личный опыт толкования пророчеств и весьма полезная для его здоровья моя первая проба в тонком искусстве предсказания весьма способствовали такому настрою.

– Тьму! – наклонившись поближе к вору, зловеще провыла я, не в силах бороться с искушением. Уж слишком обстановка показалась подходящей: гул веселья, свет праздника за нашими спинами, а впереди сумеречные контуры затихшей ярмарки, темные очертания шатров, палаток, лотков, еще различимые, но уже таящие в себе темную загадку случайные голоса, шорохи, скрипы. Ну как тут было не рассказать страшной истории?

Лакс вздрогнул всем телом и с такой тревогой поглядел на меня, что я моментально устыдилась собственной проказы. Его психика, еще не успевшая оклематься после ряда душевных потрясений, похоже, мигом предоставила хозяину широкий выбор разнообразных катастроф – для впадения в панику.

– Черный цвет? Ночь? Зло?.. – взялся деловито перебирать Гиз, пока мы неторопливо брели к фургону с тюфяками и багажом.

– В первых двух эпизодах, скорее, отсутствие любого света, может, мне подземелья показывали, в последнем же – просто ночь, даже звезды видела и озеро с чернильно-темной водой, в которой в солнечный день, как в колодце, отражались светила. Может, то самое Проклятое озеро, о котором Лакс говорил? – перебрав в памяти подробности видений, всплывающие с неожиданной четкостью, выдала порцию информации. – Эй, вокруг твоего легендарного озера случайно не цветут такие багряные цветы с лепестками, похожими на перевернутые сердечки?

– Растут, – осипшим голосом согласился Лакс, и его по-эльфийски гладкая кожа приобрела странный бледно-серый цвет, будто мой парень из представителя Дивного народа мгновенно обратился в вампира.

– Замечательно! – обрадовалась, заставив вора вздрогнуть. – Значит, ближайшая цель определена. Проклятое озеро – место, имеющее не только мистическое значение, но и вполне географические координаты! А по пути постараемся разобраться с пакетом других видений, сопровождавшихся посторонними звуками вроде собачьего воя и шорохов.

– Вой – это к гибели! – прошептал парень с суеверным ужасом и сделал какой-то быстрый знак пальцами, должно быть отводя беду.

– Врагов! – решительно отрезала я, пресекая панику в рядах. – К чему пораженческие настроения, Лакс?! Акуна матата! Что в переводе с языка одного милого народа означает: «Не беспокойся, будь счастлив!» Ясно?

– Ясно, – кивнул вор и задумчиво уточнил, потирая костяшками пальцев скулу: – Но что, если видение предостерегало тебя от поиска Проклятого озера? Вдруг это плохо кончится?

– Хочу побывать в этом месте, а что до предполагаемых неприятностей... Чтобы мы, такие умные, богатые и везучие, да не справились с какой-нибудь ерундовой проблемкой? Быть того не может! – убежденно изрекла я.

– Даже если эта «проблемка» – смерть? Как в том видении про стрелу? Вдруг ты в следующий раз не успеешь? Я ведь не о себе говорю, а в принципе... – спросил вор и так глубоко задумался, что едва не налетел на колесо мирно стоящего фургона. Это при эльфийских-то грации и пластике, по поводу которых меня вечно завидки брали!

– Не успею, значит, займусь практическим изучением таинства воскрешения! – с апломбом заявила я, малость подпортив патетику речи зевком. Рот против воли раздвинулся при виде нашего бивуака, вокруг которого спокойно бродил Дэлькор. Между прочим, я приложила весь арсенал дипломатических способностей, чтобы убедить коня остаться у фургона в качестве сторожа, а не тащиться за мной к балаганщикам, делая мою и без того весьма колоритную фигуру еще более узнаваемой. Отзевавшись (предсказания под ароматные травы, оказывается, обладают отличным снотворным действием!), продолжила: – Давно хотела попробовать свои силы в некромантии, но не убивать же кого-то специально в качестве подопытного кролика! Лакс, в вашем мире правит магия, а значит, нет ничего невозможного, реально нет! Так что...

– Акуна матата? – Заскакивая на ступеньку фургона, Лакс расплылся в счастливой и почти глупой улыбке, вновь вернув себе прежнюю, веселую беспечность.

– Ага! – рассмеялась я, в порыве чувств обняла парня и ласково чмокнула его в щеку, рука будто случайно прошлась по мягким волосам. – Так-то лучше! А собачка выть по тысяче поводов может! Допустим, ее злой хозяин к кавалеру не пустил или покормить забыли! Бери пример с Гиза. Мы ему выдающуюся карьеру порушили, а он не унывает! Ведь так, Гиз?

– Если я, как пес, буду выть на луну, лучше никому не станет, – откликнулся бывший убийца, молча шагавший рядом с нашей неугомонной парочкой. – Впрочем, одно могу сказать совершенно точно, магева: с тобой мне куда веселее, чем на любом из прежних заданий.

– Раз тебе так хорошо, может, еще и жалованье платить не стоит? – хитро улыбнулась я, потрепала по морде подбежавшего к нам с радостным ржанием Дэлькора и запрыгнула к Лаксу, который разжигал лампу внутри фургона.

– Считаю, что мне не настолько хорошо, чтобы обходиться без жалованья, – едко ухмыльнулся киллер, с кошачьей пластикой взлетев в фургон.

Под ним даже доски не скрипнули, впрочем, под вором тоже, одна я двигалась словно бегемот в магазине с китайским фарфором. Эдак комплекс неполноценности заработать можно, ведь всегда считала себя изящной девушкой! «Ну, ладно, зато колдовать умею!» – утешилась тут же.

– Значит, не получилось сэкономить, – разочарованно вздохнула, изрядно повеселив спутников, раскладывая вещи на ночь. Почему-то ни один в мою прижимистость не поверил.

Еще за ужином я предложила сделать из Мидана ноги, как только помогу балаганщикам. Мне совсем не улыбалось натолкнуться на мстительных сторонников бывшего губернатора или губернатора нынешнего. Фелик показался очаровательным юношей, но от его сентиментальности и идеализма за время нашего недолгого знакомства мне не раз сводило скулы. Так что возобновлять отношения я не планировала, так же как и обижать милого юношу. Разобраться с врагами все-таки было проще, а потому тактика избегания показалась мне самой удачной, оба телохранителя горячо поддержали мудрую (в данном конкретном вопросе) магеву, а Лаксу с Фалем оказалось все равно, куда и когда отправляться, лишь бы

со мной. Поэтому в путь в направлении западных окраин Ланца мы собрались тронуться с утраца, хорошенько выспавшись и забив сумки самыми свежими припасами. Кейр сходил, потолковал с нужными людьми и договорился на этот счет. Черт! Как же мне нравилось, что мужчина взял на себя функции снабженца, сняв с моей шеи нудную обязанность ежедневно думать о жратве! Уже за одно это готова была платить ему любое жалованье, впрочем, уверена, вздумай я повысить ему плату, этот странный тип непременно принял бы торговаться, отстаивая мои (не свои, разумеется!) интересы. А ведь отличная идея!

– Кстати о жалованье, Гиз. Кейру мы платим одну серебряную в неделю, ты ведь на такую ничтожную сумму не согласишься? Правда? – многозначительно уточнила, волоча свой тюфяк за горку багажа. – Профи твоей квалификации должен получать никак не меньше шести монет плюс премиальные, так?

– Я начинал торговаться с пятнадцати, но хитроумная магева сбила цену более чем вдвое, – мгновенно сообразив, о чем идет речь, поддакнул Гиз.

– А поскольку мы ничуть не сомневаемся в профессиональных навыках Кейра и не считаем его квалификацию ниже твоей, придется назначить аналогичную плату и ему, – рассудительно заключила я, а Лакс хихикнул в кулак.

– Чему смеемся? – надменно поинтересовалась, выгребая из сундука одеяла и маленькую, точно под голову, подушечку.

– В первый раз вижу, чтобы искали способ, как заплатить не поменьше, а побольше, – ответил вор, раскладывая на своем лежбище скатку одеяла.

– Так я же безумна, как мартовский заяц, ты связался с сумасшедшей! – довольно констатировала, укладываясь на синее эльфийское одеяло и укрываясь сверху зеленым. – Боишься?

– Не-а! Твое безумие восхитительно! – довольно протянул Лакс, зевнул и погасил лампу.

– Поддерживаю, – тихо согласился из своего угла Гиз, голос его звучал до странности умиротворенно.

Я закрыла глаза и стала ловить ровное дыхание спутников, поскрипывание старых досок фургона, отголоски смеха, музыки, песен с праздника балаганщиков. Постепенно ликующее напряжение начало проходить, возбуждение уступило место приятной расслабленности. Я начала дремать, когда на грани сна и яви возникли искусный перебор гитарных струн и низкий, с приятной хрипотцой сильный мужской голос, выводящий восхитительную мелодию. Я не разбираю слов, но само ощущение музыки было прекрасно, более прекрасно, чем все, что я когда-либо слышала. Мне бы вскочить, подбежать, посмотреть и послушать поближе удивительного музыканта, разобрать, какую же песню он поет, но почему-то я не сорвалась с места. Просто лежать, покачиваться и уплывать на волнах его музыки оказалось истинным блаженством. Под нее я сладко заснула и во сне продолжала слышать и слушать неведомого барда.

Глава 5

О болезнях, картах и мелких кражах

– Оса! Я болен! Я умираю! – Панический вопль звенел и метался по фургону вместе с Фалем, натывавшимся в полете на все предметы подряд и спихивающим их на пол и головы мирно спавших до сего момента людей.

Один маленький сильф умудрился произвести столько шума, что перебудил всех: меня, все еще грезящую о гитарном переборе, Лакса, Гиза и Кейра. Судя по встрепанному виду последнего, телохранитель только-только сомкнул веки после чудно проведенной ночи.

– Болен? – чуть хрипловатым спросонья голосом переспросила я, садясь на тюфяк и пытаюсь разлепить глаза. – Чем?

– Не знаю-у-у! – Фаль с разгону врезался мне в грудь и зарыдал. Осторожно прижав малютку к себе, я отчаянно заморгала, мимолетно поразившись тому, в какие игры играл с цветовым зрением серый утренний сумрак. Очаровашка сильф, всегда казавшийся изящнейшей алебастровой статуэткой, сегодня был покрыт чем-то красновато-пятнистым, как недоношенный ягуар-мутант.

Проморгавшись, сообразила, что пятна не галлюцинация от недосыпа, а Фаль действительно пестренький и чрезвычайно несчастный, как каждый совершенно здоровый человек, внезапно обнаруживший у себя какую-то странную болячку.

– Ой, до чего он пестрый, точно розовой краской сбрызнули, – озадаченно потер подбородок Кейр, с неподдельной тревогой разглядывая Фаль вместе со всеми собравшимися вокруг мужчинами. – Чего же с ним, магева, неужто и впрямь... эгхм? – Слово «помирает» телохранитель благоразумно проглотил, чтобы не вгонять больного в еще большую истерику.

– Дружок, у тебя что-нибудь болит? – ласково спросила сильфа.

– Пока нет, только чеш-шется-а-а все-о-о, – слабо трепеща крылышками, простонал Фаль. И так огромные глазищи с перепугу вытаращились неимоверно, будто сильф страдал самым сильным запором в своей жизни.

– Ага, – деловито установила я и, опираясь на список человеческих болезней моего мира, выдала: – Насколько мне известно, пятнышки по всему телу могут быть следствием краснухи, ветрянки или диатеза. Первые две болезни совершенно детские, не понимаю, где бы ты, хоть и юный по возрасту сильф, мог их подхватить, а вот диатез вполне вероятен...

– Я умру? – едва услышав иностранное слово «диатез», жалобным тоном умирающего лебеда слабо спросил Фаль, крылышки печально обвисли.

– Вообще-то нет, – улыбнулась я. – Даже лечить тебя не надо. Почешется немного и перестанет, ну еще недельку нельзя будет красных ягод кушать. Ты, дружок, вчера съел слишком много незнакомой пищи, я о конфетах, вот организм и воспротивился. Это всего лишь легкое проявление аллергии, помните, я вам об этом рассказывала.

– Было дело, – подтвердил Кейр.

– Но ведь мы все ели их поровну, чего же, тоже такими ходить будем? – озадачился взъерошенный с ночи Лакс и на всякий случай поискал на руках признаки начинающегося недуга.

– Ели все, но соотношение единицы продукта на единицу веса в случае нашего сильфа оказалось самым весомым, – возразила я, борясь с искушением процитировать кролика из мультфильма: «Фсе дело ф том, фто хто-то флифком много ефт».

Мужчины переглянулись, подавив вполне обоснованное желание дружно заржать во все горло, слишком уж жалким был вид очаровательного обжоры и большим их собствен-

ное облегчение. Несмотря на эгоизм и легкомыслие, Фаль не мог не нравиться. Его открытость и наивная чистота даже в худших чертах характера против воли вызывали симпатию и завоевывали сердца. Никто не рассердился на обаятельного малыша за раннюю побудку и поднятую панику.

Я усадила утешенного сильфа на плечо (для полного успокоения он продолжал цепляться за футболку, назначенную на роль ночной рубашки) и сладко зевнула:

– Ложиться досыпать, наверное, уже бесполезно. Будем вставать! Раньше тронемся в путь-дорогу дальнюю. Люблю бродяжничать и терпеть не могу зимы. Патологическая жажда новых впечатлений требует утоления. Может, у меня в роду тоже были балаганщики или перелетные птицы?

– Ты хоть выспалась? – озаботился Лакс, вылезая вслед за мной на свежий воздух, где уже или еще (вот ведь неугомонный народ лунатиков!) бродили балаганщики. То ли не ложились вовсе, то ли уже успели подняться. Кое-кто завтракал, как и наш знакомый дядюшка Каро, вместе с труппой сидевший у костерка рядом со своими фургонами и прихлебывавший из кружки горячий травяной настой. Дэлькор лежал рядом, но, завидев меня, моментально вскочил, чтобы получить свою порцию утренней ласки.

– Наверное. Во всяком случае, спалось просто замечательно. Молодцы балаганщики со своим праздником. Мужик под гитару так пел, лучше всякой колыбельной укачивало, не голос, а сказка, – ежась от утренней прохлады, задумчиво разбирая спутавшиеся за ночь волосы и поглаживая гриву Дэлькора, признала я, по горькому опыту понимавшая: чужое веселье по ночам приносит одни неприятности.

Пьяные вопли под окнами, звон битого стекла, рев сигнализации, ругань, топот и гогот могут прийтись по вкусу разве что мазохисту суперизвращенного толка. Самое обидное, ничего с этим гадством не поделаешь. Ругаться бесполезно, разойдутся пуще прежнего «назло врагам», милицию вызывать тоже без толку, если даже стражи порядка соблаговолят приехать, то часика через три-четыре, когда либо компания закончит гудеж, либо сама уснешь как убитая, невзирая на шум. Единственный по-настоящему действенный выход, практикуемый в свободное время, – присоединиться к общему веселью, но если поутру на занятия надо, фишка не сработает. Иногда озверевшая я мечтала еще об одном способе борьбы с нарушителями покоя – пулемете с бесконечными патронами. Но, увы, такие фантазии реализовать было невозможно.

– Мужик с гитарой? – В голосе рыжего вора проскользнули ревнивые нотки. – Чего-то не припомню.

– Может, ты слишком крепко спал? – предположил Кейр, и сам не слыхавший ничего подобного в силу банального отсутствия в фургоне по ряду уважительных причин. Причин, кажется, если краешек моего уха точно уловил обрывок болтовни телохранителя с Гизом, было целых три.

– Вы слышали в ночи голос, словно бархат и шелк, и музыку, будто звучание небесных струн, сплетенных из ветра и дождя, да, магева? – оставив кружку, вскочил на ноги дядюшка Каро. Вид у крепкого мужика был словно у взволнованного первоклашки, да и вся его компания уставилась на меня как по команде.

– Пожалуй, так, – согласилась я, не чуя подвоха. – Исполнение достойно самых высоких похвал. Никогда прежде не слышала столь восхитительной музыки.

– Темный Менестрель играл для тебя, – благоговейно выдохнул мужчина.

«Темный? Негр, что ли?» – мимолетно удивилась, а Лакс запальчиво заявил:

– Это же выдумки! Темный Менестрель – сказка для наивных дурочек, грезящих о ловеласе, крадущем песней сердца!

– Он – покровитель нашего народа, бог или иное загадочное создание – неизвестно, но не выдумка, нет, – абсолютно уверенно ответил дядюшка Каро, бросив на вора недовольный

взгляд. – А уж что он для магевы играл сегодня, конечно, диво, не каждому из балаганщиков хоть раз в жизни доведется издали увидеть его темную тень или услышать перебор волшебных струн. Так ведь то, что магева Оса вчера сотворила, чудо не меньшее, чем совершал некогда менестрель. Думаю, в благодарность за нас Темный играл для магевы. Да...

– Значит, это был концерт по заявкам, – умильно улыбнулась я. – Здорово! Не отказалась бы каждую ночь засыпать под такую музыку! Но вряд ли у вашего покровителя найдется время баюкать меня еженощно. Жаль! Эх, вот диск с какой музыкой я бы купила, даже лицензионный! Если увидите его, передавайте мое восхищение, аплодисменты и просьбу выступить на бис.

– Коль случится увидеть, непременно передадим, магева, – пообещал дядюшка Каро, а Лакс ревниво фыркнул. В отличие от Фалья, искренне опечаленного из-за пропущенного чуда, парень, кажется, жалел о том, что не видел загадочного музыканта, только потому, что не имел возможности задать ему трепку за исполнение серенад чужим девушкам.

Поболтав еще чуток о загадочном феномене Темного Менестреля, занялись завтраком и упаковкой шмоток. Кейр, готовый хоть сейчас в поход, разумеется, озаботился заготовкой съестного на трапезу и про запас, припахал в помощь Гиза, а я и Лакс, в вещах которого после недельного запоя царил полный ералаш, всерьез взялись за сборы. Усевшись рядом с сундуком, откинула крышку и печально вздохнула. Да, в евклидовом пространстве все эти великолепные вещи маэстро Гирцено ни при каком искусстве упаковки не могли влезть в походную сумку скромных размеров. Предстоял процесс мучительного отбора. Не тащить же за собой сундук, приторочив его к крупу Дэлькора, и не реквизируют фургон балаганщиков! Они-то дадут, да я сама себе буду французов-мародеров под Москвой в тысяча восемьсот двенадцатом напоминать. Кажется, Фаль, обожавший все яркое, блестящее и изысканное, переживал не меньше моего, даже о своем диатезе забыл. Перелетел на краешек крышки, печально погладил верхнюю золотистую рубашку, расшитую мелким жемчугом, и вновь вернулся на плечо.

– Чего вздыхаешь, никак о Темном Менестреле мечтаешь? – с усмешкой спросил вор, внутренне напрягаясь.

– Менестрель – это поэзия, а на данный момент более всего меня беспокоит проза жизни. Жаль вещи здесь оставлять, а все в сумку не запихнешь, – честно призналась в собственном грехе и помечтала: – Мне б такой волшебный сундук, чтобы стукнул, скажем, три раза по крышке, он уменьшился, хоть в карман клади, стукнул снова, и сундук к прежним размерам вернулся! – Я мечтательно постучала по крышке и ойкнула.

Сундук на моих глазах плавно съезжился до размеров шкатулки.

– Вот это да!!! – Лакс разом забыл о ревности, подался ближе и спросил: – А ты так с любой вещью можешь?

– Я так вообще не могу, моя магия больше на стихии, дух и плоть действует, с предметами материальными сложно, на раз-два ничего не выходит, тем паче что даже рун не рисовала. – Я не стала приписывать себе чужие заслуги и предположила: – Это, наверное, Фаль!

– Нет, Оса, я не стравивал пыльцы, – отперся от авторства волшебства и сифф, хотя по глазам видела – испытывал сильное искушение похвастаться.

– Может, это ты у нас колдун? – иезуитски уточнила и ткнула вора пальцем в грудь, туда, где в распахнутом вороте рубашки виднелась золотистая от загара гладкая кожа.

– Я вор, коль позабыла, – перехватив и нежно сжав мою руку, покачал головой Лакс.

– Вы чего тут, никак ссоритесь? – поинтересовался Кейр, заглянув в фургон, и тут же изумленно спросил: – А сундук куда дели?

– Разбили на щепки в драке! – пошутила я и, пока Кейр в самом деле не начал искать щепки, торопливо потянулась к крышке уменьшенного предмета, осторожно постучала,

почти не веря в новое чудо. Однако сундук покорно вернулся к прежнему виду. Телохрани- тель изумленно крикнул, а Лакс радостно наябедничал:

– Представляешь, тут такие чудеса творятся, и никто не знает! Оса и Фаль, скромные наши, божатся, что они ни при чем!

– Ни при чем, если только могучая сила моего подсознания не вышла на уровень применения магии без осмысленного управления, но кто бы тут ни помог, хоть Темный Менестрель, хоть сам Гарнаг, спасибо ему огромное! Дареному коню в зубы не смотрят. Я плакалась, не знала, как багаж тащить, теперь вопрос решен, – довольно объявила, снова уменьшив сундук тремя ударами по крышке и засунув его в походную сумку. Как только виновник благодеяния объявится, не премину высказать свою безграничную признатель- ность лично. – А как там с завтраком?

– Я затем и заглянул, хотел вас звать, а теперь думаю, может, не стоило, вдруг, если вы тут еще посидите, пара-тройка других нужных чудес случится? – усмехнулся Кейр.

– Нет, ну или почти нет в мире таких чудес, которые стоили бы завтрака у костра в самой лучшей компании, – наставительно оповестила общество, протискиваясь мимо тело- хранителя из полутьмы фургона на волю.

– Так уж и самой лучшей, – отчего-то неожиданно смутился Кейр, может, его недохва- лили в детстве, когда нужно, чтобы уверенность в себе и своих силах осталась на всю жизнь.

– Наилучшей! – уверенно подтвердила и нахально продолжила: – Я вообще так счаст- лива, что едва сдерживаюсь, чтобы без конца к вам на шеи от переизбытка чувств не кидаться и не душить в объятиях. А то коли не задохнетесь, так испугаетесь моей эмоциональной неуравновешенности и разбежитесь кто куда, а нам еще Проклятое озеро искать.

– Я храбрый, можешь обнимать когда заблагорассудится, в любое время дня и особенно ночи, – моментально влез готовый на подвиги Лакс, а миляга Фаль хоть и не понял двусмыс- ленности фразочки, охотно поддакнул.

– Обожаю храбрецов, – пококотничала я, моментально сменив ставшую опасно интим- ной тему, подмигнула Гизу (дескать, внимание, секундная готовность!) и воскликнула, уса- живаясь на вчерашнее место у миски с кашей: – Ах да, Кейр, что-то я тебе сказать хотела. Память девичья, ветер в голове. О, вспомнила! Ты не против, мы жалованье Гиза к твоему приравняли?

Киллер кивнул в подтверждение моих слов.

– Справедливо, – спокойно, без малейшей тени зависти или возмущения согласился мужчина, берясь за свою темную, чуть погнутую в долгих походах ложку.

– Значит, семь серебряков в неделю плюс премиальные получишь у Лакса, – небрежно мотнула головой и принялась к каше.

Н-да, похоже, мюсли вечно и бесконечно, как Вселенная! Стоило перебираться из мира в мир, чтобы и тут лопать утром овсянку с мелко крошенными яблоками! Изюмом, разу- меется, разжиться было негде. Ладно, за все хорошее стоит платить, и если опостылевшая каша входит в счет, так тому и быть. Я ухватилась за ложку и, не обращая внимания на донельзя подозрительный взгляд Кейра, просчитывающего, где, в чем и как я его объехала на хромой кобыле, отправила в рот первую ложку. Гиз свою почему-то попридержал, кажется, давился смехом, хоть и сохранял невозмутимый вид.

Мыслительный процесс Кейра завершился, он покачал головой и, опустив ложку в кашу, принялся поглощать завтрак. Я для вида поковырялась в чрезвычайно полезной и пита- тельной размазне, предоставив Фалю возможность слупить ее практически в одиночку, и с куда большим удовольствием приступила к ветчине, хлебу и сыру. Попутно озадачила дру- зей вопросом:

– Кстати, а у нас есть карта?

– Перекинуться партишку перед дорогой? – лукаво подмигнул мне вор.

– Я о географических картах, Лакс, думала прикинуть маршрут не с ваших слов, а, так сказать, визуально.

– Как-как? – не понял парень. – Погадать, что ли? Так ведь для этого, я слышал, специальные картинки нужны, те, что в игре ходят, не годятся...

– Карта – это такой рисунок, изображающий горы, леса, поля, реки, озера, города и так далее в схематическом виде. На маленьком клочке бумаги может уместиться весь мир. Ну мне сгодится и тот регион, где мы сейчас находимся, – иронично, все еще считая, что надо мной прикалываются, объяснила я.

Взгляды Лакса и Кейра оставались туманными, хоть и отображали напряженную работу мысли.

– Эй, вы чего, не пользуетесь картами? – Теперь уже настала моя очередь впасть в озадаченное состояние. – А как же тогда путешествуете на сколько-нибудь дальние расстояния?

– Спрашиваем дорогу у местных. Если далеко идти надо, с купцами или балаганщиками можно словечком перекинуться, – крутя в руках свою гигантскую кружку, объяснил самоочевидную для него вещь Кейр. – А таких колдовских вещей, чтоб в одном клочке целый мир виден был, у нас нет и не было никогда.

– На Вальдине нет карт, Оса, – разомкнул уста Гиз, во время разговора очень пристально изучавший мое лицо, будто хотел на нем чего-то прочесть, может, дознаться, с какой луны я свалилась. Так спросил бы, я бы ответила, чего скрывать! Но такая простая идея пока в хитрож... в хитромудрую голову киллера не пришла.

– Вальдин – это самоназвание данного мира? – уточнила на всякий случай, и Гиз коротко кивнул.

– А тебя, когда сюда засылали на мокрое дело, случайно картами не снабдили? – Надежда все еще цеплялась за крохотный уголок души.

– Нет, – безжалостно добил наемник. – Все карты – тут! – и коснулся своей темно-рыжей головы. – Мы оставляем минимум следов.

– А давай вытащим их из твоей башки на белый свет! Зарисуем! – азартно предложила я. – Все ведь когда-нибудь случается в первый раз! Представляешь, мы – первые картографы Вальдина!

– Я не художник, – до той минуты, пока Лакс с Кейром не решили, что мне захотелось раскроить черепушку киллеру, успел объяснить мужчина, но проблеск интереса в глазах ясно давал понять: уговоры можно продолжить.

– Я тоже, однако даже в школе меня учили рисовать план местности, неужто мы не осилим хотя бы схематичную карту? Понятие масштаба и условные значки знаю, бумага есть, карандаш и ластик имеются. Давай попробуем! – Я склонила голову набок и захлопала ресницами преувеличенно умильно. – Ты ж теперь не убивец на контракте, а мой телохранитель, тебе законы Тэдра Номус не писаны! Понарушай их всласть!

– Давай, – отодвинув миску и кружку, решил мужчина, поддавшись на мою немудреную провокацию.

Не столько в силу слабой воли и склонности к чужому влиянию, сколько потому, что сам хотел действовать, а в таком случае важен только повод, сколь бы незначительным он ни был. Полагаю, начальство и инструкции достают не только простых работяг, но и специалистов щекотливых профессий.

Мы начали творить. Кейр и Лакс, позабыв про сборы в дорогу, уселись рядышком и с самым неподдельным любопытством следили за процессом. Еще бы! Ведь при них создавалась история, новое чудо, не менее диковинное, чем вся моя магия!

Об условных знаках, масштабе, единицах измерения (местных гелах, это что-то вроде наших полутора километров навскидку!) и прочей ерунде мы с Гизом договорились быстро, а вот с точной картой всего Вальдина я крупно обломалась. Тэдра Номус оказались ребятами

практичными и лишней ерундой головы исполнителя забивать не стремились, поэтому точные знания мой киллер имел только о Хавале, Ланце да окрестностях Мидана, принадлежащего маленькому и не особенно гордому государству Мидарен. Профессиональные навыки работников Номус оказались на самом высоком уровне, посему там и предположить не могли, что живучей магеве удастся избежать закрытия контракта сколько-нибудь длительный срок и превысить выданный исполнителю географический лимит. Представление о более дальних землях Гизу дали лишь в самом общем виде. Но даже эта малость была куда лучше, чем почти ничто, имеющееся в головах прочих моих компаньонов, нимало не озабоченных своим картографическим местом в мире.

Спустя две трети часа несколько листков блокнота были заполнены самодельными картами: общими контурами материка размером примерно с одну из Америк и несколько более мелкими планами нашего бывшего и предполагаемого маршрутов на небольшом клочке этого участка суши.

Лакс и Кейр, не будь дураками, довольно быстро уяснили принцип составления карт и теперь удивлялись только одному: почему же никто до сих пор у них до такого не додумался.

– Так всегда с новыми идеями получается, – тоном записного знатока подбодрила друзей. – Пока никто ничего не знает, кажется невозможным это изобрести, а как только идея воплощается в жизнь, народ поражается: «Как же я сам до такого не допер, ведь так просто!» Впрочем, это даже хорошо, что вы у меня такие нормальные. Относительно, конечно, нормальные, иначе бы не связались со мной. Люди, у которых мозги устроены иначе и горазды сочинять новое, с ума сходят куда легче обычных трудяг, словно сжигают себя, да и вообще они плохо приспособлены к жизни.

– Если бы Кейр занимался идеями, а не нашей едой, было бы плохо, – глубокомысленно согласился Фаль, разряжая обстановку, и не понял, чего это мы хохочем над его мудрой сентенцией.

Так или иначе, завтрак закончился, карты были нарисованы, припасы готовы, вещи собраны, лошади оседланы, слова прощания с балаганщиками, преисполненными двойного благоговения по поводу визита в мои грезы Темного Менестреля, произнесены. Мы покинули только-только наполнившуюся первыми утренними посетителями и торговцами ярмарку у стен Мидана.

Путь наш для начала лежал по Мидарену, оттуда к северо-западному краю Ланца и далее (тут кончалась точная карта, «срисованная» из памяти Гиза!) через Карниалесские дебри к предгорьям Недранга. Там-то и находилось озеро с цветами-сердечками по берегам, где в черной воде, полной яда беспросветных отчаяния и тоски по любимой, даже в самый ясный летний день отражались лишь ночь и звезды.

Дэлькор весело гарцевал по дороге, то и дело оглядываясь, будто проверял, не исчезла ли я куда-нибудь снова в неизвестных даях, кинув бедного коня одного-одинешенька. Впрочем, несмотря на свой задор, конь шел мягко, даже мои филеи, успевшие за три недели отвыкнуть от прелестей верховой езды, ничуть не протестовали. Широкий тракт, тот, которого мы избегали в прошлый раз, дабы не привлекать к себе лишнего внимания враждебно настроенных элементов, предоставлял свободу для маневров энергичному коню, застоявшемуся в стойле. Поскольку все меры предосторожности, предпринятые прежде, ничуть не помогли, теперь я решительно воспротивилась всяким попыткам скрытного продвижения. Хватит уже партизанить! Я желала видеть мир, подаренный мне судьбой, и, что немаловажно, получать максимум удовольствия от каждой секундошки жизни. Вкусив прелести ночлегов на постоянных дворах и в лесу у костра, я хоть и признавала бесспорную романтическую последнюю, обеими руками и всем – увы! – довольно изнеженным телом голосовала за мягкую постель и вкусную горячую пищу, более полезную для обладателя легкого гастрита (а у кого из студентов его нет?), чем самые лучшие холодные бутерброды. Новый

маршрут учитывал мою невинную тягу к комфорту, впрочем, стойкие мужчины, кажется, сдались перед напором дамы не без тайного удовлетворения, им, вечным бродягам, полевая кухня и плащ вместо кровати обрыдли поболее моего.

Утреннюю, острую, пронзительно-чистую свежесть середины лета мало-помалу сменял теплый денек. Я дышала полной грудью, подставляла лицо ветерку и улыбалась от уха до уха. Некоторое время мы молчали. Это было спокойное, умиротворенно-довольное молчание людей, объединенных общей целью и вполне расположенных друг к другу, людей, которым приятно не только беседовать, но и просто слушать. Слушать прорывающийся за нашими спинами город, случайную болтовню проезжего и прохожего люда, птиц, насекомых, дыхание ветра. Когда народа, стремящегося до жары успеть в Мидан и сладить с делами, стало поменьше, я вдруг спросила, позвав едущего впереди мужчину:

– Эй, а Гиз – это твое имя или прозвище?

– Почему это тебя так интересует, магева?

– Отвечать вопросом на вопрос невежливо. – Я показала киллеру язык. – А вообще-то Лакс, Кейр и Фаль – это ведь, сам знаешь, сокращения от имен полных, вот я и любопытствую, ты такой же длинносочиненный или как?

– Или как, – хмыкнул он. – Мое имя осталось за порогом служения. Гиз – прозвище. Я не могу перевести его точно, в местном языке нет такого определения. Это узкий, тонкий трехгранный клинок, не длиннее среднего кинжала, способный пройти сквозь кольчугу или отверстие в броне.

– Его еще и ядом небось мажут, – подсказала я.

– Мажут. – Намек на холодную улыбку тронул губы чуть удивленного моей догадливостью Гиза.

– Знаю, я читала о таком оружии, у нас оно считается разновидностью стилета, – продолжила, довольная собой (не зря папин справочник временами полистывала!). – Тебя красиво и, по-моему, метко прозвали, мне нравится. Интересно, только за профессиональные навыки или за телосложение и манеру речи?

– Думаю, за все сразу, – пожал плечами мужчина, но, кажется, я ему польстила.

– А в нашем мире Гизы когда-то были герцогами, родней короля одной весьма интересной страны, – поделилась своей ассоциацией. – Ты, кстати, не из дворян?

– Мое прошлое позади, не стоит его ворошить, магева, – замкнулся в себе Гиз, отвернулся и, похоже, собрался послать коня вперед, подальше от болтливой и любопытной девочки.

– Ладно, ладно, не сердись, уважаю право на частную жизнь! Свобода одного человека кончается там, где начинается свобода другого. – Я примиряюще подняла руки ладонями вверх.

– Это как? – поинтересовался новым правилом Кейр.

– Ну вот, к примеру, коль ты захочешь добавлять в нашу кашу столько соли, сколько заблагорассудится, сыпь, но только до тех пор, пока это не покажется слишком соленым другим. А уж коли покажется, придется общий котел солить умеренно, а себе добавлять по вкусу позднее. Сам понимаешь, дело касается не только соли, но и всех прочих аспектов жизни. А конфликты возникают на границах личных свобод и нашего понятия об этих границах.

– Ты такая умная, Оса, – зазвенел над ухом Фаль, преисполнившись благоговения.

– Аж череп жмет, – насмешливо процитировалась я, а наша компания надолго задумалась над подкинутой сентенцией о свободе.

Мы ехали в молчании довольно долго, пока Кейр не пробормотал тихо:

– Странно, магева, я столько с рождения не передумал, сколько за то время, которое с тобой провел, и дни-то по пальцам перечесть можно, а словно еще одну жизнь прожил.

– Это плохо? – задумчиво отозвалась, перебирая в пальцах гриву Дэлькора, красиво заплетенную Фалем в косички.

– Нет, я же сказал, просто странно, непривычно, что ли, – промолвил мужчина, встряхнувшись, и поправил без того идеально сидящую перевязь с мечами. – Ты меня словно наизнанку вывернула.

– Я рада, что ты нашел голове еще одно применение, кроме «я в нее ем», – улынулась и рассказала друзьям бородастый анекдот про боксера, переделав неизвестное название профессии на общедоступное «кулачный боец».

Заканчивать анекдот пришлось уже на повышенных тонах, потому как за изгибом дороги шумел как растревоженный улей народ. При приближении оказалось, что гомонят не несколько десятков, а всего каких-то семь потных, красных от жары и возмущения крепких мужиков явно крестьянского вида. Побросав свои возы, нагруженные товаром с ярмарки, они столпились у обочины и орали друг на друга так, что чуть не лопались от натуги. Ну точно, митинг!

– Что за шум, а драки нет? – весело, с командными интонациями спросила разгоряченную компанию, хотя и без допроса успела выхватить из общего сыр-бора несколько фраз, по которым смутно распознавалась первопричина конфликта.

Обрывки возмущенных воплей неоднозначно подсказывали: чего-то ценное (скорее всего, деньги или ювелирные изделия!) пропало, и теперь все подозревали всех, кроме себя: «Не ты, скажешь? А чего такими завидущими глазами на мою мошну зыркал да ухмылялся?» – «Уж и своим довериться нельзя! Во времена тяжкие настали!» – «Да что тут думать, перетряхнуть его вещи, и вся недолга!» – «Кто больше всех горланит, тот и виноват!» – «Да Ситепа это, кто ж еще, Паканор с него пять монет за Наждину ввечеру требовал!»

Пока еще отношения выяснялись вербальным путем, но нешуточный накал страстей обещал в самое ближайшее время обернуться классическим мордобоем прямо посреди столбовой дороги, создавая помехи транспортному потоку. Не то чтобы мне, как Бэтмену, было больше всех надо, просто разыграло стихийное любопытство.

– Магева! Магева! Вот она-то пусть и рассудит, – на удивление слаженно для готовых вцепиться друг другу в бороды людей загомонили мужики и клином двинулись в мою сторону.

Кабы я уже не знала, что моя профессия обеспечивает в здешних краях неприкосновенность, а спутники жизнь положат, но вреда мне причинить не позволят, попыталась бы дать деру. Очень уж целеустремленно обступала меня делегация хмурых и потных крестьян.

– Покража у нас, магева, рассуди! Разыщи татя! – комкая в руках какую-то нелепую помесь панамки и кепки, впопыхах сдернутую с головы, прогудел самый бородастый и грузный из мужиков, может быть и признанный старшим за свои габариты.

– И что же, вы полагаете, украдено? – первым делом уточнила я.

– Кошель со всей выручкой за ярмарку умыкнули! – запричитал мужик в рубашке с вышивкой по вороту и по рукавам понаряднее, чем у первого, и, едва сдерживая скупую мужскую слезу, принялся перечислять, что именно он запродавал, чтобы выручить денежку. Брови его, кустистые, как у Брежнева, и такие же черные, двигались вразнобой и походили на пару заплутавших на лице гусениц.

На ранних яблоках я сломалась и взмолилась:

– Стоп! Происхождение денег роли не играет. Главное – факт их исчезновения. Кошель пропал, вы не знаете, кто виноват, и подозреваете друг дружку. Так?

– Истинно так, магева, – покорно и с видимым облегчением подтвердил потерпевший, компания согласно закивала, пораженная моей мудростью.

Я обвела собрание взглядом и почесала за ухом. Да, виновного найти не большая проблема, магия поможет, даже без нее знаю, логических фокусов достаточно, не зря сказки

в детстве слушала, а в юности почитывала. Вон хотя бы история про горшок с черненным сажеей донцем: когда всех в круг ставят, психологически обрабатывают проникновенной речугой и дна касаться велят. Виновный ни в жизнь не дотронется, боясь разоблачения, у него-то одного рука чистой и останется. С рунами же вовсе никакие трюки, играющие на нервах, не нужны. Достаточно вызвать *тейваз* – руну цели и справедливого суда, формой походящую на стрелу, – на виновного останется только пальцем показать и ехать дальше. Просто, как апельсин. Мысленно улыбаясь, я вызвала свою руну и почти сразу поняла, что просто и ясно в этот раз не получится.

Нет, дело было вовсе не в том, что магия внезапно отказалась работать, Гиз-то теперь играл на моей стороне, а значит, никаких помех ни справа, ни слева не имелось. Неразрешимое противоречие имело вид лопухого, веснушчатого, как подсолнух, соломенноволового молодого мужика, вернее сказать, пока еще парня, только рослого, косая сажень в плечах.

Тейваз, возникшая перед моим мысленным взором, однозначно осветила его фигуру. Вот только на неосознанный вопрос: «На фига этому парню, Ситепе, чужие бабки сдались?» – руна взяла и показала ответ.

Передо мной, как при ускоренной съемке, только очень четко, мелькнуло несколько образов. Лопухий ворюга и сдобная, как булочка с корицей, с парой толстых кос девушка, держащиеся за руки с типичным трепетом влюбленности. Потом беседа парня с грузным мужиком, тем, который просил помочь следствию, отцом девицы. Назначение выкупа за невесту – и вновь дурная от счастья парочка, обжимающаяся на заднем дворе... Ярмарка. Хмельной отец возлюбленной, по пьяни торопящий парня со сбором «дани» и грозящий выдать девицу за другого, коль женишок не поспешит. Страх потерять любимую и решение позаимствовать из отвязавшегося с пояса кошелька богатого односельчанина недостающую сумму с тем, чтобы непременно вернуть долг с лихвой. Рука, тянущаяся к кошельку, и под конец та самая общая свара, перед которой ее виновник не успел отсчитать жалкие пять монет и вернуть пропажу на место. Жгучий стыд, терзающий парня и перерастающий в беспросветное отчаяние. Потому-то вор самым красным из компании не был, слишком испугался, что теперь вся жизнь его кончена: позор, изгнание из деревни, неизбежная разлука с любимой. Такое близкое счастье рухнуло в один момент, оглушив его болью.

Ну как, скажите на милость, я могла отдать этого дурня на растерзание? Да я ж сама бы потом не спала! Вот так задачка. Мозг лихорадочно заработал, пытаюсь найти решение, способное удовлетворить и жаждущих показательного суда крестьян, и мою собственную привередливую дуру-совесть. Один-единственный даже не то чтобы плохой, нелепый поступок не должен был сломать парню всю жизнь. Я чуяла не только его страх перед карой, но и стыд, и раскаяние.

Идея пришла, как всегда, неожиданно, я едва удержалась от того, чтобы не рассмеяться, когда с чинным, снисходительным спокойствием спросила общество:

– Значит, хотите, чтобы я вас рассудила?

Мужики снова закивали, мое магевское величество тоже кивнуло и с иронией продолжило:

– А я бы вам вместо суда предложила меньше пить или лучше похмеляться поутру. Эй, парень, как там тебя, Ситепа, ну-ка сбегай за поворот. Там, в траве, у куста, в таких мелких зеленых ягодах, красный мешочек валяется. Глянь, не ваш ли?

Тускло-безнадежные глаза вора, собравшегося, не дожидаясь магического разоблачения, во всем покаяться, вновь ожили и посмотрели на меня с восхитительной надеждой, превратившей простецкое лицо юноши в почти иконописный лик. Я украдкой подмигнула проштрафившемуся бедолаге и поторопила его, пока мужики всем табуном не понеслись за поворот – выискивать кошелек, покоящийся за пазухой у вора. Хвала тому богу, которому

парень молился, он все-таки не стал стоять столбом и, сорвавшись с места, ринулся прочь, только пятки замелькали.

Обернулся Ситепа мигом, мужики не успели опомниться. Бедолага вопил на бегу с совершенно искренним ликованием приговоренного к казни и чудом избегнувшего неминуемой участи:

– Нашел! Нашел! Вот он!

Владелец кошель, возмущавшийся и сыпавший обвинениями больше всей вместе взятой компании, почти выхватил из рук горе-похитителя кошель, тут же вывалил его содержимое на плат в возке и пересчитал трижды. То ли не верил в свои математические способности, то ли опасался, что мошну «за время возлежания под кустом» успели облегчить окрестные зверюшки или кто из проезжих.

– Ровнехонько двадцать монет и семь бронзовок, – сконфуженно признался он. – И как там очутился? Не сымал ведь с пояса...

– Видать, права магева-то насчет опохмелки, – заулыбались крестьяне, а виновник переполоха, красный как томат, почесывая выглядывающее из кафтана пузо, стыдливо пропыхтел:

– Вы уж простите, мужики, что я так всполошился, невесть чего нес, ежели обидел кого, в ноги поклонюсь! Главное ты, Ситепа, звиняй, на тебя-то я пуще всех думал. Ты, это вот, держи-кась! – Внезапно решившись, «растеряша» слезил в обретенный кошель, вытащил из него несколько монет и провозгласил: – Бери-бери! Тебе ж как раз еще пяти для откупа за Наждину не хватает!

Ситепа несколько мгновений только открывал и закрывал рот, не веря в реальность впикиваемых ему почти насильно монет, отдаваемых хозяином добровольно, а ведь он хотел взять их тишком! Покраснев еще гуще от щедрости крестьянина, парень пробормотал:

– Спасибо, Дрол, ой спасибо! Но я только в долг у тебя их взять могу! Верну непременно! По осени верну!..

– Ну ладно, почтенные, вы тут уж друг перед другом сами винитесь хоть до вечера, а нам в путь пора, – встряла я в душещипательную сцену самым пошлым и приземленным образом. Внимание публики тут же переключилось на меня, мужики замерли, ожидая оглашения платы. Вспомнив об этом обычае, склерозная магева (я то есть!) нетерпеливо отмахнулась:

– Ничего вы мне не должны, не колдовала ведь я, когда кошель ваш под кустом разглядела. Так что бывайте да больше не теряйте ничего, не каждый день за вами по пятам честные люди путь держать будут!

Не дожидаясь ответной речи крестьян, чуть тронула пяткой бок Дэлькора, стоявшего во время разборок смирно, как памятник, и помчалась галопом вперед. Мои спутники рванули следом. Даже если бы крестьяне хотели оставить последнее слово за собой, хрен бы они догнали моего эльфийского коня. Фаль висел, вцепившись в гриву, и восторженно визжал, его крылышки развевались по ветру, как радужные флажки.

Только проскакав вперед достаточное расстояние и подстраховавшись от возможного преследования, мы пустили коней в прежнем темпе, устраивающем и всадников, и лошадей.

– Здорово ты с ними, – первым выпалил Лакс, явно гордясь моей проделкой. – Только ведь кошелька под кустом-то не было, а, Оса?!

– Конечно, не было, – покорно согласилась я.

– Парень – вор. Почему ты так поступила? Пожалела? – спросил Кейр, не то чтобы обвиняя, скорее рассчитывая на ответ. Наверное, дала себя знать палаческая привычка докапываться до сути дела приговоренного, чтобы с чистой совестью вершить правосудие и не мучиться ночными кошмарами по поводу безвинно убиенных. Впрочем, в этом мире с таких стальных сталось бы лично являться к убийцу призраками и портить жизнь.

– Не могла я его заложить. Ведь этот Ситепа кошель красть не собирался, хотел всего пять монет взять, чтобы выкуп за свадьбу тестю заплатить, а потом и эти деньги вернул бы. Дурень он, конечно, не подумал, что пропажи быстро хватятся, да и вообще ни о чем не думал, кроме того, что его Наждину за другого отдадут. Что ж теперь ему, из-за одной-единственной глупости всю жизнь ломать? – Я вздохнула, поискав нужные слова. – Понимаешь, Кейр, иногда надо поступать не по справедливости, а по милосердию.

– По-твоему, милосердие лучше? – уточнил Гиз, то ли посмеиваясь, то ли всерьез озадачившись моим поступком.

– Не знаю, – честно ответила я. – Только сам посуди, каждому в жизни случается ошибиться, нет безупречных и непричастных, намеренно или случайно любой совершает то, о чем приходится жалеть. Если все наши поступки взвешиваются на весах где-то наверху, то какой бы вы сами предпочли суд: справедливый или милосердный?

Молчание стало ответом, я тоже помолчала почти минуту, выдержав многозначительную паузу, и заключила:

– Вот то-то и оно. Справедливость может быть самой страшной карой и худшим проклятием. Парень оступился, но его поступок не успел вылиться ни во что дурное, и больше он никогда не совершит ничего противозаконного, я видела в его душе твердую решимость. Поэтому выручила дурика, как сумела. Коль какому-нибудь Гарнагу это не по нраву, пусть сам по дорогам ходит, сверкает глазами да суд творит, я ничуть не возражаю.

– Вольно ты о богах говоришь, магева, – с некоторой тревогой, почти с осуждением цокнул языком Кейр.

– Я и богам то же в лицо повторяю, коль захотят лично выслушать, – спокойно отрезала, чуток разозлившись.

– Служительница стоит рангом выше, Кейр, и пусть она пока этого не признает, но уже чувствует, – некстати влез Гиз.

Вот упрямый, зараза, так и не уяснил, что не собираюсь становиться какой-то там служительницей, что я сама по себе и поступаю только так, как хочу. Зато Кейр на эти слова только крикнул и окончательно заткнулся, погрузившись в очередной приступ глубокой задумчивости. Ну хоть какая-то польза!

Впрочем, сие состояние не мешало ему нести службу и бдеть, высматривая всяких недругов, засевших у дороги с враждебными целями. И не вина телохранителя, что этих недругов пока не попадалось. Тракт и впрямь был относительно благополучным, разбойнички, конечно, по слухам, собранным на ярмарке, пошаливали и тут, но по сравнению с другими местами не так интенсивно. Слишком велик был шанс наткнуться на патруль, передвигавшийся по дороге без всякой закономерности, что, вероятно, бурно возмущало не только мирных путешественников, пекущихся о личном имуществе и телесном здоровье, но и самих бандитов, неспособных составить четкий график грабительских эскапад.

Словом, телохранители несли стражу, Фаль летал по окрестностям, может, надеялся найти чей-нибудь по-настоящему потерявшийся кошелек, а Лакс подъехал поближе ко мне и вернулся к разговору:

– Значит, ты пацана пожалела не потому, что он вор, как и я?

– Как ты? Ну нет, Лакс, вор вору рознь. Думаю, ты никогда не крысятничал, не крал у своих и не брал у того, кто сам нуждался в деньгах. Поэтому моя совесть спокойна. Ты, конечно, мазурик, но в данный момент никаких противоправных действий не совершаешь, и, если бы ко мне обратились с требованием выдать тебя, чтобы подвергнуть суду и наказанию за какое-нибудь былое преступление, я ни за что тебя не отдала бы. Но не потому, что мне плевать на законы, а потому что тебя знаю и ценю больше всех местных законов. Поколдовала бы или откупилась, но не отдала на расправу, – ответила честно.

– Спасибо, – глухо пробормотал рыжий и отвернулся, чтобы я не слишком пристально всматривалась в его подозрительно заблестевшие влагой глаза.

– Двойная мораль, магева? – иронично вставил Гиз, похлопывая рукой по холке своего неприметно-гнедого, но, несмотря на неказистость, весьма удачно сложенного и прыткого коня.

– Не-а, круговая порука, – усмехнулась беспечно. – Своих не выдаю. Тебя это, кстати, тоже касается!

– Заплакать, что ли, от умиления? – цинично спросил киллер.

– Не надо, животных жалко, – попросила строго.

– При чем здесь звери? – удивился от неожиданности Гиз, даже в седле чуть дернулся.

– Просто поговорка одна на ум пришла из моих краев, – ухмыльнулась я. – Если что-то очень странное случается, у нас говорят: «Что-то в лесе сдохло». А если очень-очень странное, вроде плачущего киллера, упоминают того зверя, который в данном лесу ни при каких обстоятельствах оказаться не мог.

– Странные словесные конструкции употребляют в твоих краях, магева, – скривил губы мужчина и замолчал.

– Жизнь вообще странная штука, но от этого становится только еще более привлекательной, – отозвалась я, и Фаль, носящийся вокруг, охотно меня поддержал очередной порцией мелодичного ликующего визга.

Глава 6

О пользе трактирных обедов и сторожевых лошадей

Так мы и ехали по тракту до тех пор, пока солнце, стоящее в зените, не начало бить по маковке особенно интенсивно, а животы требовательно заурчали, намекая на желательность очередной трапезы.

– Есть хочу! – громко оповестила компанию. – Мой растущий организм настоятельно требует питания!

– Деревня Пересыпные Короба недалеко, постоянный двор там небольшой, ночуют мало, народ большей частью предпочитает до Мидана добираться, а вот харчевня отменная, – оповестил Кейр. – Кухарка там такую свинину с яблоками готовит и грибы в сметане с травами, что руки по локоть откусишь. Потерпишь еще чуток, Оса, или привал сделаем?

– Свинина, – мечтательно протянул Фаль.

– Грибы, – столь же томно простонал Лакс и облизнулся.

– Пусть будет харчевня, уболтал, чертяка языкастый, – согласилась я, уступая воле коллектива, тем паче что грибы в сметане тоже любила, а свинину с яблоками никогда не ела и хотела попробовать.

Кейр не обманул, спустя полчаса от тракта вильнула вправо широкая дорога, ведущая прямоком на холмы, усыпанные домами, точно поляна земляникой. Сходства добавляли красная черепица на большинстве крыш аккуратных домов, беленые стены и зелень садов да огородов. Соседство с Миданом благодатно сказалось на деревне, дав крестьянам близкий рынок для сбыта сельхозпродукции и возможность подзаработать на проезжем люде.

Харчевня – один из самых больших домов в деревне – стояла с самого края близ дороги, привлекая едоков соблазнительными запахами, выющимися из приоткрытой двери. А расположившиеся по соседству кузня и колодец прибавляли клиентуры практичным хозяевам.

Мы привязали лошадок под навесом, повод Дэлькора я, как обычно, только накинула на коновязь, бросили пару монет прытким паренькам, дежурившим с ведрами воды, чтобы те напоили коней, умылись у колодца сами, отряхнули дорожную пыль и прошли в таверну. Полный на две трети зал (время-то обеденное!) встретил относительной прохладой. Толстые стены и светлый влажный холст, прикрывавший окна, обеспечивали комфортную разницу температур.

Гиз первым углядел свободный чистый стол слева у стены, недалеко от двери на кухню, и мы уже вознамерились пробраться на место, когда худенькая, почти щуплая, но очень деловитая девушка, вытирая мокрые руки о вполне чистый длинный фартук, решительно откинула косу за спину (точно плащ перед дуэлью!) и заступила нам дорогу.

– Почтенная магева, ваши услуги тут не надобны, – подчеркнуто вежливо (только вот почему-то прозвучало это почти как ругательство!) произнесла она, уставив взгляд больших серо-зеленых глаз, украшавших вполне заурядное лицо, в район моей переносицы.

– Я не колдовать, а кушать сюда пришла, – вполне миролюбиво отозвалась, желая отобедать, а не устраивать разборки. Нутром чуяла, что эта девица что-то против меня имеет, только никак не могла сообразить что. Я-то ведь ее в первый раз в жизни видела и даже на ногу наступить или толкнуть не успела. Парни насторожились, Кейр так и вовсе попытался оттереть меня себе за спину. – Мой друг очень ваши свинину и грибочки хвалил. Угостишь? Платить серебром будем.

– Угощу, – буркнула девица, зыркнула глазами, точно пулеметную очередь пустила, и отступила в сторону. Мы расселись за свободный стол, высказали свои пожелания на тему

меня, и решительная худышка исчезла за дверью кухни. Кажется, в харчевне даже дышать стало легче.

– Ну и подавальщицы пошли, – хмыкнул Лакс, откидываясь на стену, – уж и магев ни в бронзовку не ставят.

По левую сторону от нас шумно откашлялся громадный, будто Кинг-Конг, и столь же буйно заросший шерстью мужик, выуживающий из громадной мисы крупные куски мяса в подливе. Да, такое тело травкой не прокормишь. Кашель сменил гулкой и неожиданно мягкий голос:

– Вы, господа хорошие да магева почтенная, не сердчайте на Дуницу, одна девка-то хозяйкой при харчевне с малым братом осталась, как отец тех грибочков в осень покушал, к богам отправился. Все хозяйство на ней держится.

– А я тут при чем? – невольно вырвался у меня вопрос. – Я вообще в этих краях впервые и проездом.

– Так-то оно так, только... – Дюжий дядька почему-то посмотрел на меня почти виновато, могучие руки сделали жест, означающий беспомощное пожатие плечами, но при комплекции собеседника он производил какое угодно, только не утешающее впечатление. – Маг у нас в ту пору, как Метир, тятка ее, занемог, столовался, его и кинулись искать, маг на холмах не то какие-то редкие травы, не то камни собирал. Да пока его, бродягу, сыскали, мужик уж остывать начал. С тех пор Дуница на магов крепко сердце держит.

– Психологическая травма и проистекающая из нее немотивированная агрессия, – задумчиво констатировала тоном выносящего диагноз доктора Курпатова. – Все понятно. Впрочем, я не психиатр и даже не психоаналитик, лечить вашу девицу-красавицу не собираюсь, просто кушать хочу, мне свинину и грибы обещали, а не скандалы вместо обеда.

– Ты ее заколдуешь, Оса, накажешь? – с опасливым восхищением спросил Фаль, кажется обидевшийся за меня больше меня самой.

– Нет, – тихо ответила, подперев кулаком щеку и печально созерцая чистый пустой стол. – Она сама себя наказывает, если до сих пор злобу копит и терзается. «Месть есть признание другого хозяином своей жизни». Да и что мне с ней сделать? Лекцию о пользе магии прочитать? Или папашу из могилы поднять? Так ведь слушать девка все равно не станет, для себя уже все решила, а несвежие покойнички не самый приятный вид имеют и дурно пахнут.

– Ладно, Оса, вон и обед несут, сейчас здешней кухни отведаешь и все неприятности позабудешь, – явно чувствуя неловкость из-за того, что втравил меня в эту историю, потащив в деревню, промолвил Кейр.

Девка грозно бухнула на стол тяжеленный поднос и сноровисто расшвыряла между нами тарелки с курящейся аппетитным парком едой. Вид и запах свинины в яблочном соусе и грибочков под сметанкой с зеленью были таковы, что я простила «Дуньке» все выкрутасы и вполне мирно промолвила:

– Спасибо, пахнет восхитительно! Похоже, и на вкус не хуже будет!

– Сперва отведайте, а потом уж благодарностями сыпьте, – буркнула довольно нервно девица и шмыгнула прочь.

Я для начала отхлебнула из кружки прохладного морса и, зажмурившись от удовольствия, подержала во рту.

Фаль же не утерпел, первым сунул нос в чугунок с грибочками и, довольно чавкая, восторженно прозвенел:

– Вкуснятина! Мухоморы в сметане еще вкуснее, чем сырые!

– Всем приятного аппетита, – натянуто пробормотала я, когда мужчины синхронно отшатнулись от тарелок с едой и потянулись за оружием.

Нет, только побоища нам тут не хватало, я призвала оборотные силы рун воздуха *альгиз* и *дагаз*. Нашу маленькую компанию окружила невидимым колпаком защита от прослушивания и догляда. Пока она действовала, нас воспринимали как объект, находящийся в поле зрения, но не могли сосредоточить внимания и подслушать.

– Тихо, не дергайтесь пока, – настойчиво попросила друзей. – Лезвием по горлу чиркнуть недолго, никуда она от нас не сбежит. Давайте для начала разберемся, что к чему.

– А что тут разбираться, – гневно процедил Лакс, кажется, даже рыжина вора запылала как факел мстителя. Таким злым я не видела его даже тогда, когда он защищал меня от морианцев. – Девка окончательно разума лишилась, магеvu отравить задумала, раз того мага, который отца не спас, ей к богам отправить не удалось.

Перемазанный в сметане с ног до головы Фаль вынырнул из чугунок с грибами, моментально учуял нашу настороженность и недоуменно спросил:

– Вы не любите мухоморы?

– Видишь ли, малыш, эти грибы из разряда тех, чей специфический вкус человек успеваеt оценить лишь однажды, – заметила я, немного преувеличив силу яда мухомора. Хотя в здешних краях мои слова вполне могли оказаться правдивыми. – Окажи услугу, проверь, в других чугунках у нас на столе тоже мухоморы или другие подозрительные добавки имеются?

Сильф отсалютовал и ринулся, не щадя живота и носа своего, дегустировать продукты. Оказывается, малютке было достаточно слизнуть несколько капель густого соуса, чтобы распознать состав целого блюда. Озабоченный нашим самочувствием, он не тратил времени на то, чтобы смаковать еду. Мужчины молча следили за крылатым дегустатором, перечисляющим ингредиенты, вошедшие в пищу, только Гиз сдержанно поинтересовался:

– Что ты собираешься делать?

– Дождаться результата экспертизы, – ответила я.

– И?.. – заломил бровь киллер, будто понял значение слова «экспертиза», а может, и правда понял, мало ли где ему заказы выполнять доводилось. Только спрашивать было без толку, все равно ничего не расскажет, станет молчать как партизан на допросе у фашистов.

– Понять, собирались отравить только меня или вы тоже были назначены в жертву. И если отравка ждала только меня, разобраться, случайно или намеренно это сделано, – вздохнула я и снова отпила из кружки. Компот Фаль проверил в первую очередь и установил, что напиток безвреден, а то я уже прикидывала, сколько в сумочке таблеток активированного угля.

С отведыванием остальных продуктов мотылек справился в считанные минуты. Никаких иных пакостей, кроме мухомора в моей порции, обнаружено не было. Настала пора эксперимента. Я коротенько обрисовала сценку, каковую намеревалась разыграть, и убрала укрывающее заклятие. Отхлебнув еще глоток, пододвинула было к себе чугунок с грибами, понюхала, сморщила нос и, весело посмеиваясь, спросила:

– Фу, укроп, терпеть его не могу, Кейр, хочешь мою порцию?

– Давай, – небрежно согласился заправляющийся мясом и грибами одновременно телохранитель и, не прекращая жевать, потянул к себе чугунок.

– Ой, в соус муха залетела, и как они, твари, всюду влезть умудряются! – рванувшись к столу, фальшиво завопила Дуница и выхватила емкость прямо из-под носа телохранителя. Взгляд ее стал почти безумным, руки с короткими чистыми ноготками подрагивали, впрочем, чугунок она держала, крепко прижав к себе. – Надо заменить! Сейчас другой принесу!

– Принеси. – Я внимательно посмотрела на девушку.

Она моргнула, и руки бессильно разжались, опустив ношу на край стола.

– Ты все знаешь, – прошептала хозяйка, подтвердив правдивость старой пословицы: «На воре и шапка горит».

– Знаю, – вполне миролюбиво заявила, решив, что такие интонации дадут лучший эффект, чем крики и скандал. – Присядь.

Лакс ногой скорее пихнул, чем двинул в сторону девушки табурет, и она рухнула на сиденье, будто ноги подломились. Спросила слабым, безжизненным голосом:

– Страже меня сдадите или сами убьете?

– А смысл, – пожалала я плечами. – Чтоб брат твой малолетний круглым сиротой остался? И кто будет свинину и грибы в Коробах проезжим готовить? Скажи лучше, ты веришь в то, что конец жизни земной – не конец для души человека? – спросила, ощущая легкую неловкость, будто какую идиотскую проповедь Белого братства или Свидетелей Иеговы для промывки мозгов затеяла.

– Конечно, – хмуро и недоуменно согласилась «Дунька», не понимая, чего ради я такие расспросы веду и вообще пребывая в некотором ступоре после действий в состоянии аффекта. Не верилось мне как-то, что деревенская девчонка, может, моя ровесница, а может, и моложе, детально спланировала поправу и хладнокровно осуществила ее. Да и не трясутся руки у хладнокровных убийц. Вон у Гиза, когда меня убить собрался, не тряслись.

– Значит, в то, что душа твоего отца, покинувшая бrenную землю, где-то пребывает и, возможно, наблюдает за любимой дочкой, ты веришь, – довольно констатировала я. – Как, по-твоему, батька радуется твоему намерению отомстить, убив первого попавшегося мага?

– Н-нет, – признала Дуница, и слезы потекли из глаз крупными каплями. – Папка добрый был, никогда обиду подолгу не держал. Даже задарма, бывало, кормил тех, кто заплатить не мог.

– Тем не менее ты хотела моей смерти. Ну откушала бы я грибов и померла, стало бы тебе легче, коль на труп магева плюнуть смогла бы? – уточнила с каким-то удивительно отстраненным для потенциальной жертвы интересом.

– Я не-не знаю, – прошептала девушка, вздрогнула, точно воочию представила красочную картину, и пробормотала: – Только увижу кого из вас, прямо сердце заходится и такая злоба берет. Как в тумане красном все, я ж грибы-то на настойку собирала, спину растирать дядьке Гжелу, а как вас увидела, так уж ни о чем думать не могла...

– Ты считаешь, что маг нарочно гулял где-то далече, дожидаясь, пока яд грибов подействует и твой родитель умрет? – зашла с другого бока.

– Не знаю, – угрюмо шепнула Дуница и упрямо продолжила, видно, уж тысячу раз проговаривала эти упреки про себя: – Вы ведь все можете, почему же он не пришел?

– Девица, магия в принципе ничем не выше воинского умения или, скажем, твоих талантов к готовке. Вся разница только в том, что дар к магии в некоторой степени изначально присущ тому, кто занимается колдовством. Но ведь и готовить, почитай, все могут, одни лучше, другие хуже, кто-то будто чувствует, когда огонь утаить надо или кастрюлю с печи снять, знает, сколько соли и трав сыпануть, а у кого-то вечно горелая да пересоленная стряпня получается. Так и с нами. Магия, увы, не всемогуща, и люди, ею обладающие, не всемогущи, хоть кое-кто и притворяется таковым. – Я развела руками. – Мы ошибаемся, обманываемся и опаздываем, как все другие. Только ошибки наши и опоздания имеют куда более значительные последствия, чем пригоревший обед, но совсем избежать их невозможно. Мы не боги!

– Мне почему-то кажется, что ты успела бы, – медленно промолвила девушка.

– Не знаю, – совершенно честно ответила я. – Прости, Дуница, не знаю. Случись я рядом, когда он заболел, вылечила б. Но смогла бы узнать, услышать, что кому-то нужна помощь, если бы находилась поблизости, сомневаюсь. Такого таланта у меня нет.

Юная трактирщица молчала долго, гораздо больше минуты, а потом сказала:

– Зато есть другой. Ты очень сильная магева. – Серо-зеленые, еще затуманенные следами озера уставились на мое лицо, словно ища ответа на все вопросы мироздания. – Ты

взяла и убрала мои злость и боль, словно вычистила изнутри то, что так долго сидело черным колючим комком. Это магия?

– Нет, я просто задала тебе те вопросы, которые ты не решалась задать себе сама, и дала те ответы, которые ты не хотела услышать, но была вынуждена принять, – покачала я головой. – Поэтому боль, крепко запертая под замком невысказанных вопросов и ненайденных ответов, отступила. Никакой магии. Ступай, Дуница, тебе есть о чем подумать. А горшочек оставь, среди моих друзей имеется большой любитель мухоморов.

Я улыбнулась тому, как энергично закивал Фаль, не оставшийся внакладе от кулинарных диверсий девушки. Красные пятнышки, расцветившие поутру шкурку сальфа, почти исчезли, превратившись в бледные розовые разводы.

Трактирщица поднялась с табурета, во все глаза следя, как стремительно понижается уровень тушеных грибов в горшочке, к которому никто из людей не притронулся и пальцем. Поморгав, она неожиданно заявила:

– Я вам сейчас пирогов принесу! – Только мотнулась толстая коса, и девица исчезла за дверями кухни.

– Надеюсь, без начинки из крысиного яда, – прокомментировала я этот порыв (есть люди, которые на словах извиняться не умеют совершенно, зато готовы горы свернуть на деле!) и улыбнулась.

– А он вкусный, этот крысиный яд? – моментально встрял любопытный Фаль, и вся наша компания покатила со смеху.

Оставшаяся часть обеда прошла гораздо спокойнее. Я все-таки отведала и тающего во рту нежного мяса, и грибов, и еще горячих пирогов с яблоками и ягодами. Единственной проблемой, беспокоившей душу магеви в процессе кормления, был вопрос: а смогу ли после всех этих разносолов взгромоздиться на Дэлькора или друзьям придется соорудить волокушу для беспардонно объевшейся колдуньи?

Титанического телосложения мужик, первым заговоривший с нами об истории Дуницы и весьма беспокоившийся, не прогневаемся ли мы на дерзкую девушку, умиротворенно взирал, как хлопочет та вокруг нашего стола, стараясь «укормить» клиентов до заворота кишок. Дядя, кажется, преисполнился благоговения по отношению к моей скромной персоне. Вероятно, ранее никому быстро утихомирить воинственную Дуницу не удавалось. Так часто бывает, когда слишком рано человек становится самостоятельным, поначалу он мало склонен слушать добрые советы. Как уж мне удалось достучаться до девушки, не знаю, может, и правда случилось маленькое чудо, только без помощи рун...

Обретшая после чистосердечного раскаяния неиссякаемый запас доброжелательности, Дуница подсовывала нам все новые и новые лакомства. Мы, разнеженные хорошей едой, расслабились и уже не так торопились в дорогу. Не знаю, сколько бы еще просидели в харчевне, если бы не жалобный вопль, донесшийся снаружи и заставивший встрепенуться не только наш привыкший к неожиданностям коллектив, но и других посетителей.

Известно, народ обожает глазеть как на пожар, так и на любую другую беду ближнего. Желающих лицезреть, в чем причина вопля, нашлось предостаточно. На двор, побросав свои миски, ложки и кружки, высыпала большая часть вкушающих пищу. Мы же вышли только потому, что Фаль, смакующий пирожки (сразу три и с разными начинками!), задумчиво прозвенел:

– Дэлькор рычит!

Как может лошадь рычать, я в толк взять не могла, однако, убедившись в супервозможностях эльфийского выкормыша, совершенно твердо знала: если какая-то лошадь способна издавать несвойственные племени копытных звуки, так это мой рыжий бандит Дэлькор. Жеребец был настоящим драконом в весьма эффектной лошадиной шкуре. Если б мне сказали, что он начал дышать огнем, я бы поверила и в такое. Рычит, значит, надо. А почему надо

– стоит пойти и проверить. Моих скромных дедуктивных способностей оказалось вполне достаточно для того, чтобы биться об заклад: вопль человека и рык Дэлькора находились между собой в причинно-следственных отношениях.

Мы выбрались из харчевни, народ расступился, пропуская нас, точно следственную бригаду, к месту происшествия. Дэлькор стоял по стойке «смирно» и крепко держал в зубах руку черноволосого, бьющегося в сопливой истерике вьюноши.

– Проголодался, что ли? – выковыривая из зуба какой-то упрямый кусочек, меланхолично поинтересовался Кейр, одним махом создавая в деревне легенду о страшном, но справедливом коне-людоеде.

– Не клеветчи на невинную животинку, – уже сообразив, в чем дело, строго погрозила телохранителю. – Вспомни, я ему что приказала, когда кушать шли? Багаж охранять...

– И откусить по локоть руку тому, кто попытается наш багаж украсть, – ухмыльнувшись, подхватил Лакс, поощрительно похлопав коня по крупу. У пойманного парня истерика вышла на новый виток, сопровождающийся закатыванием глаз и громким подвыванием на одной ноте.

– А коник-то магевы вора поймал!!! На Черного Карина давно думали, только за руку, пройдоху, поймать не могли! Так вот и словили, сколько пряже ни плестись! – дошла до той части любопытной толпы, которая состояла из местного люда, суть наших переговоров.

– Значит, это – вор, – спокойно заключил Гиз и вытащил из ножен кинжал, явно намереваясь совершить правосудие прямо на месте.

– Гиз, тпру! Я не поклонница суда Линча. И смерть – единственное, чего уже нельзя исправить, – положив руку на запястье убийцы, попыталась охладить разом разгорающийся гнев толпы и телохранителя. Кинжал Гиз вложил в ножны подчеркнуто аккуратно, но ярость, полыхнувшая в глазах, оказалась поострее иного клинка. Вряд ли моего телохранителя раньше часто хватали за руки, мешая работе, да еще и приказывали стоять как лошак.

– Ножиком-то это и впрямь лишнее, почтенная магева, а вот вожжами протянуть его на конюшне, чтоб впредь неповадно было, – то дело! – поддержал мои начинания тот самый дюжий мужик, который переживал за Дуницу, видно, местный авторитет. – Ты конику-то скажи, чтобы парня отпустил, а?

– Дэлькор, выплюни эту гадость, – попросила коня, и он, брезгливо фыркнув, разжал крепкие белые зубы.

Парень всхлипнул от облегчения, кажется, перспектива быть выданным на конюшне страшила его куда меньше зубов моего очаровательного коника, и, упав на колени, залопотал заплетающимся языком:

– Я ж только тронул мешок, а он тут же... Я ж не знал, что это ваши вещи, магева!

– Незнание закона не освобождает от ответственности, – строго процитировала я, но зачитывать права обвиняемому не стала, чай, не демократическое государство, где любая тварь лазейку найдет, чтобы от суда ускользнуть. – Эй, народ, как полагаете, сами порку ему устроите в наказание или мне позвольте поколдовать над этим воругой, чтобы отныне и впредь у него рука на чужое добро подняться не могла?

Как ни был простой люд охоч до крови, а только поглазеть, как я колдовать буду, жаждал сильнее, да и спорить с магевой – себе дороже. Большинство голосов мне «дозволили» применить к незадачливому вору магию. Я кротко улыбнулась. В голове уже крутилось изящное в своей простоте восхитительно стройное заклятие, совмещающее три руны в одной: *дагаз*, трактуемую многомудрыми рунознатцами как точку величайших изменений; превращающую явление в его противоположность; *тейваз* – руну справедливого суда; и *гебо* – обмен дарами. Эта рунная комбинация по моему умыслу должна была на корню пресечь порывы вора к кражам, оборачивая его в стремление поделиться с потенциальной жертвой

собственным добром в том объеме, какой преступник собирался изъять. Я коротко описала суть заклęcia, предлагаемого вниманию уважаемой публики, и приступила к делу.

Рисовать руны краской не стала, только властно простерла руку в сторону приговоренного, закатившего глаза в полубморочном состоянии, и, четко проговаривая имена, вывела знаки в воздухе на уровне его груди. Мое мысленное пожелание было принято к сведению, и сияние волшебных рун узрели все. Вот теперь знаки намертво впечатались в суть Черного Карина, тем более крепко, что сам ворюга был абсолютно уверен в конечности и бесповоротности приговора. А когда существует такая безрассудная вера, нет нужды в каких-то дополнительных усилиях со стороны творца. Жертва все сделает совершенно добровольно и с песней.

«Натворив» доброе дело, отбоярившись от назойливых предложений кузнеца бесплатно подковать Дэлькора и оставив бедного вора оплакивать свою судьбу в обществе любопытствующих доброжелателей, наш маленький отряд тронулся в путь. Вернее, тронулись кони, мы ехали на их спинах, а славно откушавший Фаль мирно посапывал в излюбленном гамаке, сделанном из моей рубашки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.